

МАРИЯ БОРОДИНА

ЗАВТРА
я стану
ТОБОЙ

16+

Мария Бородина

Завтра я стану тобой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48421207

SelfPub; 2019

Аннотация

Я – Сирилла Альтеррони, земская жрица. Ворчливые пациенты да муж-тиран – вот всё, что было в моей скучной жизни. Но однажды в неё ворвалась девочка Элси. Теперь она вторгается в моё тело когда захочет, где бы я ни находилась. Страшно, когда не можешь скрыться от своей беды. Пока я ищу зацепки, клубок загадок растёт, как снежный ком. Позорные тайны прошлого выплывают на поверхность, а единственный человек, которому я доверилась, хранит в своём шкафу столько скелетов, что туда лучше не заглядывать. Обложка создана Марией Бородиной, использованы фото со стока Pixabay по лицензии ССО.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	46
Глава 4	57
Глава 5	79
Глава 6	97
Глава 7	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Пролог

Она приходит вместе с ночью. Неслышно открывает двери и ступает на порог, пока я собираюсь ко сну. Проходит невесомыми шагами гостиную, крадётся по лестнице и затихает за дверью. А когда я, наконец, поддаюсь дремоте – влетает в спальню и ложится на край кровати. Рядом со мной.

Её тощие руки с обвисшими кожными складками опускаются на талию. Ледяные пальцы крадутся пауками по коже. Я прислушиваюсь к её сиплому дыханию. И снова осознаю, что всё могло быть иначе.

– Ты виновата во всём, – шепчут мне в ухо растрескавшиеся губы, сочащиеся гноем. Запах могилы становится слишком явственным, чтобы его отрицать. – За что ты так со мной?

И я начинаю лепетать в темноту глупые оправдания. Мой шёпот перемежается её вздохами: булькающими и печальными. Знаю, что ни одна из названных причин не имеет веса – это лишь способ заглушить глас совести и отмолить спокойствие. Я виновата, как ни крути. Но так хочу доказать себе и ей, что достойна шанса на прощение.

Наш разговор завершается одной и той же фразой. И мурашками ужаса, бегущими по коже. Из раза в раз, изо дня в день.

– Ты должна была оказаться на моём месте, – её голос полон укора. Как и всегда.

– Прости меня, – выдавливаю я. – Знала бы ты, как я хочу всё изменить.

Не дослушав, она уходит во мрак. Забирает с собой шорохи и запах сырой земли и уплывает сквозь стены. Я остаюсь наедине с тишиной, на мокрой подушке. И представляю, как она спускается, паря над ступенями лестницы, в гостиную и задерживает взгляд на картине над каминной полкой. На этом холсте мы вдвоём. Навеки.

И, может быть, её глаза тоже блестят от слёз.

Глава 1

Странный посетитель

Год 325 от Возмездия Покровителей

Я ненавижу субботу.

Но не за гнусное воскресенье, воняющее ленью и чревоугодием, что непременно приползает следом. Не за шум и возню на городских площадях. И даже не за перебои в расписании повозок. Я ненавижу этот день недели за дежурства по амбулатории, что постоянно выпадают на мою долю. У меня есть два весомых антибонуса, которые заставляют чаще сталкиваться с этой участью: молодой возраст и отсутствие отпрысков. По этой же причине я чаще остальных жриц работаю в праздничные дни.

Дежурства всегда хлопотны и утомительны. Ты остаёшься единственной жрицей на всю амбулаторию и в одиночку принимаешь занемогших со всего Девятого Холма. Но это ещё полбеды: в послеобеденные часы нужно отправляться на домашние вызовы. И на этот раз в твоём распоряжении не только квартал, за которым ты закреплена, но и весь город. Бывали дни, когда нам выделяли колесницу, но в последнее время это случалось редко: слишком велики были затраты. Так что, те, кто не держал лошадей, ходили пешком. Никто не портит за сезон столько сапожек, сколько снашивает на

городских дорогах земская жрица!

Бывали, правда, субботы, когда домашних вызовов не оказывалось вовсе. Но это в тёплое время. В этом же годовом цикле¹ даже третий сезон² выдался сырым, промозглым и дождливым. Поэтому, хорошего ждать не приходилось.

Вот и в ту субботу по улицам гуляла гроза, рассыпаясь миллиардами капель на тротуарах. Небо казалось сплошным синяком с прорывами кровотокащих ссадин. Промозглый ветер выл в кронах, и, кувыряясь по крышам домов, поворачивал флюгеры. В такие серые дни хорошо сидеть дома, греясь у камина, читать книги, дарить радость близким. Но никак не коротать часы в амбулатории, ожидая горькой участи в виде листа вызовов.

Из тёплого кабинета, где воздух пропах листьями чабреца и мяты, наружность казалась особенно неприветливой. Сидя за столом у окна, я наблюдала, как к регистратуре амбулатории подтягиваются посыльные с разных кварталов и передают вызовы. Один за другим, иногда – цепочкой, словно дети, играющие в гусеницу. Закрытые зонтами, занавешенные капюшонами, в клеёнчатых и кожаных плащах не по сезону. Пара посыльных уже возвращалась дважды. Значит, дело совсем тёмное.

¹ - **Годовой цикл** – мера времени, соответствующая одному календарному году. Включает в себя четыре сезона (каждый по восемьдесят дней) и четыре межсезонья, разграничивающие сезоны. В каждом из межсезоний по одиннадцать дней, в четвёртом межсезонье, завершающем годовой цикл – двенадцать.

² - **Третий сезон** – самый тёплый сезон годового цикла. Соответствует лету.

– К какому же часу я сегодня до дома доберусь? – зевнула я, глядя сквозь мутное стекло, как регистратор фиксирует очередной вызов.

– Что я могу ответить? Не повезло вам родиться с Потоком Света, – хихикнул мой помощник, нефилим³ Шири, разливая по чашкам успокоительный отвар. – И не повезло стать Посвящённой⁴.

– Если рассуждать так, как ты, то здесь все жрицы – последние неудачницы, обделённые благостью Покровителей!

– А так оно и есть, – Шири хохотнул, протягивая мне чашку, окутанную паром. – К кому ни сунься, у каждой свой по-

³ – **Нефилимы** – раса человекообразных существ, обитающих в Сердце Земли наравне с людьми. История происхождения нефилимов берёт своё начало в мире, существовавшем до Возмездия Покровителей. Люди, соблазнённые запретными знаниями Разрушителей, искусственно создавали их в лабораториях, выращивая из маленьких частей человеческих тел. Полагают, что люди хотели воплотить ангелов из древних сказаний (отсюда и пошло название расы), но результат себя не оправдал. От людей нефилимы отличаются синеватой полупрозрачной кожей, низким ростом, серебристыми радужками глаз с вертикальными зрачками и кожистыми отростками на спине, напоминающими крылья летучей мыши. У нефилимов кучерявые волосы и точёные черты лица. Кровь нефилимов фиолетового цвета и называется гемолимфой. Их раны заживают очень быстро и без шрамов, а также они не могут чувствовать боль. На Девятом Холме нефилимы не являются полноправными членами общества (так как были созданы руками человека и неподвластны Покровителям) и работают, в основном, на обслуге. Также в связи с хорошей способностью к регенерации и нечувствительностью к боли, мужчин-нефилимов охотно берут в дозор.

⁴ – **Посвящённая** – женщина, прошедшая на седьмой день жизни ритуал Великого Посвящения и получившая способность использовать магию ценой жизни своего отца.

рок, свой крест и свой камень за душой. Ну, никакого внутреннего сияния. Вам всем нужно было родиться в день прославления Покровителей Хаоса!

– Рот бы тебе зашить, Шири!

Я едва удержала в руках накалённый фарфор. Влажная испарина растаяла на пальцах. Отхлебнула отвар. Терпкий вкус мяты скользнул по губам и провалился в горло. Плечи окутало тёплое облако. Теперь сырые дорожки и намокшие листья за окном казались частью другого мира, а оконное стекло – границей раздела. И выходить за порог амбулатории хотелось ещё меньше.

Я сделала ещё глоток и заела удовольствие лесными орешками. Протянула горсточку Шири через стол, но помощник лишь покачал кучерявой головой. Пожав плечом, я закинула в рот дополнительную порцию. Силы мне сегодня пригодятся.

Мимолётное блаженство могло бы растянуться до масштабов вечности, если бы громкий скрип не ворвался в кабинет. Тяжёлая дверь отъехала от косяка, и в проёме показалась знакомая женская голова.

– Ну, почтение моё, – прокаркал растянутый лягушачий рот.

Впрочем, к таким приветствиям мы привыкли.

Я вжалась в кресло, ожидая взрыва. Ленор Лазовски знала вся амбулатория: от младших помощников по санитарной обработке до верховной жрицы. Едва появляясь на пороге,

она начинала отборно хамить и плевать ядом. Но при этом всегда требовала к себе особого отношения. А если не добивалась танцев с бубном под звуки тамтама – грозила проклясть весь род неугодного до седьмого колена. Противоречить Ленор боялись все, ибо проклинать – единственное, что она умела делать хорошо. Даже слишком.

– Моё почтение, – пробормотала я приличия ради.

Оценивающе посмотрев на чашки с отваром и поморщившись, Ленор фыркнула.

– Дежурная жрица подкрепиться изволит! – замахал руками Шири. – Подождите пять минут! Мы вас позовём!

– Только и можете отвары гонять, – недовольно процедила Ленор. – Управы на вас нет! В Пропать бы вас всех, лентяев таких! В коридоре человек вот-вот Покровителям душу отдаст, а вы не шевелитесь!

– Мы сквозь стены видеть не можем! – Шири сверкнул серебристыми глазами. Треугольные отростки на его лопатках развернулись и стали походить на рваные крылья летучей мыши. – Да и не похожи вы на умирающую. Поэтому, будьте так любезны, подождите, пока жрица освободится.

Я едва сдержала смех, глядя, как щёки Ленор покрываются багровыми пятнами. Шири – единственный работник амбулатории, который мог сказать ей что угодно и когда угодно. Он не боялся её проклятий и не страшился быть собой. Ленор при всём желании не смогла бы наказать его: Устои категорически запрещали использовать магию на нефилимах.

Она, разве что, бросила бы пару ласковых. Но у Шири на каждое слово всегда находилось ещё десять-двенадцать.

Госпожа Лазовски, причитая, нырнула во тьму коридора. Дверь, потеряв опору, гулко хлопнула о косяк. Потом – ещё раз, громче. Уверена, что она специально толкнула её, дабы продемонстрировать своё презрение.

Я утомлённо выдохнула и положила на язык ещё пару орешков. Каждый раз, когда я видела эту женщину, я благодарил Покровителей за то, что меня не закрепили за рабочим кварталом, где она жила вместе со своими детьми.

– Вот как я её! – Шири блеснул глазами и снова развернул недоразвитые крылья. – Здорово ведь, правда, Госпожа Альтеррони?

– Вот и перекусили, – мрачновато констатировала я, доставая из ящика стола трубку для прослушивания.

– Да бросьте вы! – Шири выпучил глаза и стукнул кружкой о столешницу. – Пейте, пейте! Не торопитесь! Что там может быть-то? Она сама – свежа, как огурец. Разве что, её сынок перебрал хмельного, как в прошлый раз.

– Тот, который Гай? – я фыркнула, направляясь к двери. – Да уж. Весело было младшим помощникам вытирать коридор после него.

– Допейте отвар, – упрямо проголосил Шири мне в спину. – Устал я смотреть, как вы бледнеете день ото дня.

– Можешь выпить его сам, – парировала я.

– Ваши миазмы малокровные хватать?! – возмутился Ши-

ри. – Да чтоб вас!

За шесть циклов работы я уже так привыкла к тирадам Шири, что научилась не обращать на них внимания. Игнорируя возмущённые возгласы, я выплыла за дверь, и густой полумрак опрокинулся мне на плечи. В мрачных галереях коридора, соединённых арочными перемычками, весь сезон пахло влажностью и плесенью: стоки плохо отводили дождевую воду с крыши, и она сочилась на чердак. От едкого запаха захотелось чихнуть, и я прикрыла рот ладонью.

Как я и думала, Ленор поджидала меня чуть поодаль, деловито подбоченившись и почёсывая квадратный подбородок.

– Что вас беспокоит? – отрезала я на ходу. – Это срочно?

– Я тут не при делах, милочка, – хохотнула Ленор, хватая меня за рукав. От такой бесцеремонности меня передёрнуло. – Тут у входа мальчик занемогший образовался. А я просто мимо проходила, на рынок шла.

– Что за мальчик? – я вырвала руку, опасаясь, что за пару секунд она успеет пришить мне одно из своих проклятий.

– Должно быть, он из заезжих, – Ленор с показной скромностью опустила глаза и повела носком туфельки. – Ни разу его не видела.

Я остановилась, почувствовав, что пар вот-вот повалит из ушей. Ленор переминалась с ноги на ногу с самодовольным видом: то ли гордясь своим вмешательством, то ли получая удовольствие от моих эмоций. То, что я не могла вскрыть

мотив её поступка, раздражало меня ещё больше.

– Вам не кажется, что не стоило вмешиваться в чужие дела? – я, наконец, дала волю раздражению. – Он сам должен решить, нужна ли ему помощь!

– Ишь, какие жрецы пошли бессердечные! Милочка, да он сознание теряет, – Ленор невозмутимо накручивала на палец русский локон. – Со скамьи упал, может, и до сих пор там валяется.

– А вы даже не могли помочь ему подняться?!

– Так вы должны, а не я, – Ленор развела руками. – Знали ведь, куда шли, посланницы света! Не нравится – валили бы колбасы вялить или шкуры дубить. Или перевозить мусор с рыночной площади.

Чтобы не вызвать огонь на себя, я сорвалась с места и рванула к парадному входу. Мрамор пола надменно зацокал под каблуками. Я слышала, как Ленор тащится за мной, шаркая сношенными туфлями. И умоляла Покровителей, чтобы она споткнулась по дороге и не успела увидеть, как я откачиваю бедного мальчонку.

У парадного входа воздух всегда был свеж. Высокие окна пропускали много света даже в грозу, а выбитое верхнее стёклышко в одном из них не давало запаху плесени просочиться в холл. Редкие задымлённые лучи плясали по полу, вычерчивая спирали и окружности, ложились на стены дрожащими квадратами, разбивались о канделябры. Вдоль стен с мраморной облицовкой, под просветительскими плаката-

ми, строились ряды кресел для посетителей. В будни сидячих мест катастрофически не хватало. С понедельника по пятницу занемогшие толпились у кабинетов и передавали друг другу недуги, кашляя и чихая в спрессованный воздух. Лишь по субботам холл вымирал, и превращался в подобие светлого храма.

Вот и сейчас мой взгляд встретил пустые кресла с промятыми сидениями бежевого бархата. Никаких посетителей. Никакого мальчика.

В недоумении я ринулась в противоположный отсек коридора и снова наткнулась на пустоту. В радиусе двадцати шагов не наблюдалось никого. Разве что, тени дрожали в запутиненных углах. Коридор заполняла густая тишина: лишь двери дальних кабинетов тихонько хлопали на сквозняке.

– Что стоишь, милочка? – Ленор подбежала ко мне и, запыхавшись, привалилась к стене. Помимо вечного недовольства ей не давала жить ещё и грудная жаба. – Помогай!

– И где вы видели его? – я обвела взглядом холл с мозаичным сводом.

– Ммм, – Ленор скривилась, глядя в пустой отрезок коридора. – Удрал, наверное. Мальчишкам не объяснишь, когда нужно уделить больше времени здоровью. Но раз уж пришла – помогай! Мне! Видишь, как дышу?! Словно повозка в груди громыхает!

Ярость ошпарила грудь. Глаза на мгновение занавесила белая пелена. Наглость – второе счастье, воистину! По этому

параметру госпоже Лазовски равных не было на всём Девятом Холме.

– Вы могли бы и в кабинет зайти, если вам нужна помощь! – я закусила губу, чтобы подавить гнев.

– Ну, раз уж мы здесь, не пойдём же мы обратно?! – выкрикнула Ленор. Одышки как не бывало: она тараторила, как телеграф, широко раскидывая руки и брызгая слюной. – У меня ноги не ходят! Я еле-еле до амбулатории дотащилась от рабочего квартала. Знаешь, сколько мне до сюда по ухабам шлёндрать?! Мне, немощной и бедной многодетной женщине?!

– Вы, кажется, на рынок шли! – я попыталась придать голосу максимальную твёрдость. – Вот и идите.

– Поосторожнее, жрица, – Ленор сморщилась, как печёное яблоко, и зыркнула на меня исподлобья. – Ой, безрассудная ты!

Мы застыли, сверля друг друга взглядами: грузная Ленор, привалившаяся к колонне, и я, бледная и малохольная, с ногами на ширине плеч и трубкой для прослушивания, сжатой в кулаке. И если в голове Ленор, наверняка, росло желание возмездия за неслыханную дерзость, то я судорожно соображала, как лучше поступить. Рвануть в кабинет, оставив Ленор в холле, или же сдаться и демонстративно осмотреть её, под предлогом оказания первой помощи? Удрать – означало сдаться. Пойти на поводу у Ленор – сдаться тоже. Решить бы ещё, какое из поражений станет более масштабным.

Сопоставляя обрывки мыслей, и придя, в конце концов, к выводу, что бесконечно лечиться от несмываемых проклятий будет куда хуже, чем перетерпеть унижение, я сделала выбор. Выполнить требование Ленор будет проще, проще, чем расхлёбывать последствия собственной глупости. Главное в такой ситуации сохранять спокойствие. Спокойствие и добродушие.

– Присаживайтесь, – буркнула я себе под нос. – И расскажите подробно про ваши жалобы.

Гневная гримаса на лице Ленор сменилась глубоким удовлетворением. Жабьи глаза участливо заблестели, а уголки рта поползли вверх. С довольным видом она оторвалась от колонны и понесла тяжёлое тело в кресло.

– Задыхаюсь, – самозабвенно выпалила она.

– На вдохе, на выдохе? При нагрузке? При ходьбе? В какое время суток чаще?

– Бедная больная женщина того и гляди к Покровителям уйдёт, а она ерунду спрашивает, – оборвала Ленор. – Не видишь, неуч, мне помощь нужна!

Но осматривать Ленор не пришлось. Едва я склонилась над ней, расстёгивая воротник, тишину прорвал скрип на высокой ноте.

Фигурные стекляшки в дверях звякнули, разбросав по полу цветные блики. Ручка повернулась, приоткрывая ход в наружность. В холл ворвался мощный поток воздуха, смешанного с дождём. Холодный ветер скользнул по ногам, забрался

под юбку, раздув её колоколом. Тронул искусственные цветы в вазах и, пробежав по стене, засвистел под потолком.

– Вот он! – Ленор оживилась и вскочила с кресла.

– Кто он?!

Но объяснять не пришлось. Яркая картинка сложилась в воздухе сама, из мозаики стеклянных бликов и дождевых капель.

Через раскрытые двери мне навстречу нёсся мальчик. Сложно было судить о его возрасте: он казался настолько измождённым, что едва держался на ногах. Землисто-зеленоватый цвет кожи выдавал тяжёлое малокровие, худоба – плохое питание. Длинные светлые волосы развевались за спиной, как плащ. Казалось, что он убегает от преследователей и надеется укрыться в амбулатории. А ещё казалось, что он рассчитывает на мою помощь. Но не как пациент, а как...

Услышав негласный призыв, я ринулась навстречу. Поймала его на бегу, ухватила за плечи и взгляделась в скуластое лицо. Циклов четырнадцать, не больше.

– Что нужно тебе, дитя? – промямлила я.

Мальчик поднял на меня бесцветные глаза в оправе длинных ресниц, и мороз пробежал по коже миллионом острых игл. Эти глаза не могли принадлежать подростку. Взор древнего старика пронзил меня и вышел остриём промеж лопаток. Казалось, что в нём заточено всё Сердце Земли. Вся его мудрость, все ошибки и вся скорбь.

– Что ты ищешь? – спросила я тише. – Ты прячешься? Кто

обидел тебя?

Плечи мальчика мелко задрожали под моими руками. Глаза распахнулись ещё шире. Изогнутые ресницы почти коснулись лба.

– Мама?! – он выгнулся и потянулся к моему лицу.

Глава 2

Сплошные неприятности

– Мама?! – настойчиво повторил мальчик, ощупывая мои щёки.

– Ты кто? – я замялась, поражённая искренностью, – ты ищешь маму, мой золотой?! Постой... Твоя мама была здесь, да?

– Ты – мама?

– Я – не мама, – помотала головой.

– А кто тогда?!

Я украдкой взглянула на Ленор. Та с неподдельным удовольствием раскинулась в кресле, наблюдая за нами. «Продолжайте же, дети мои», – кричал её надменный взор. У неё, определённо, появится повод посплетничать с подружками сегодня вечером. Если, конечно, у Ленор Лазовски есть подружки.

– Я всего лишь жрица, – я с трудом подбирала слова, чтобы не напугать и не обидеть ребёнка. – Но мы попробуем найти твою маму, если ты расскажешь, в чём дело.

Глаза мальчика напряжённо забегали. На бледном лбу проступили капельки пота, а плечи задрожали так, что одежда пошла волнами.

– Я... – проямлил он, нервозно озираясь.

– Ты потерялся, да? – повторила я, сжав его потные ладошки в своих.

Мальчик помотал головой и оглянулся на дверь. Напуганный, словно подстреленный кролик: кажется, даже дышать боится. Вот и думай теперь, что означает этот жест.

– За тобой гонятся? – спросила я робко.

Маленький посетитель закивал. Солнце, выплывшее из за туч, заглянуло в холл сквозь стекло и разбросало блики в его спутанных волосах.

– Что же ты сделал такого, что тебя начали преследовать?

Мальчик выкинул руки вперёд и обхватил мои плечи.

– Спрячь меня, мама! – сорвалось с его губ вместе с капельками слюны.

– Мама? – я всё ещё не могла реагировать на непривычное слово, которым меня никто никогда не называл и не называет. – Но... зачем прятать тебя, дружок?

– Я всё расскажу! – выдохнул мальчишка, сжимая кулачки на моих плечах. Как во сне я заметила, что на жёлтом платье проступили грязные следы в форме ладоней. – Ты только спрячь, мам!

Пока я судорожно соображала, где можно укрыть мальчика, и не приведёт ли это меня в Пропасть, дверь распахнулась снова. Потoki ветра, ворвавшиеся в холл, иглами вонзились в грудь и плечи. Сначала я услышала цокот набоек, а потом дверной проём заслонила тёмная фигура. По выпуклым погонам и ружью, мотающемуся за спиной, я узнала дозорного.

И он двигался к нам.

Мальчишка обернулся, и его лицо перекосила гримаса ужаса. Он разжал пальцы, выпуская шёлк моего платья. И прежде, чем я успела хоть что-то сообразить, выскользнул из моих объятий и метеором ринулся в слепой отсек коридора.

Дозорный, ничего не объясняя, бросился за ним. Размеренный цокот его каблучков перерос в канонаду. Он пронёсся мимо меня чёрным вихрем, едва не сбил с ног и даже не извинился!

– Что происходит, треклятые Разрушители! – выкрикнула я, хватаясь за голову.

– Разрушителей поминаешь в обители света? – с ехидством отчеканила госпожа Лазовски. – Ну-ну.

Я перевела взгляд на Ленор. Та по-прежнему сидела в кресле, вальяжно раскинув ноги, и с любопытством наблюдала за происходящим. Как же захотелось ударить её трубкой по голове! Аж ладони зазудели! Сжала руки в кулаки, чтобы подавить губительное желание. Кровь застучала в висках, опалая лицо жаром.

– Мы с вами ещё поговорим, – выцедила я, бросаясь следом за дозорным.

– Занемогшую бросила? – прокаркала мне вслед Ленор. – Жди беды, жрица! Жди большой беды! Себя потеряешь! Будешь молить Покровителей обернуть время вспять!

Времени бояться не было. Я метнулась в пыльную темноту, едва не поскользнувшись на мраморе, и помчалась к про-

тивоположному концу коридора. Ноги путались в оборках юбки, угрожая сцепиться и опрокинуть меня на пол. Судя по шуму и возне, доносящимся из процедурной, дозорный всё-таки настиг цель.

– Ааааай! – зазвенел колокольчиком голосок мальчишки.

– Что ты мне обещал, поганец?! – рявкнул в ответ дозорный. – Ну-ка, повтори!

– Хватит! Хватит! Прошу тебя, папа!

Папа. Вот тебе и номер. Кажется, мальчонка – сирота. Только дети, лишённые родительского тепла и ласки, называют мамами и папами первых встречных.

Подлетев к нужной двери, я перевела дыхание. Чувствовала я себя, как Ленор Лазовски после пробежки трусцой. Ни секунды не мешкая, я ворвалась в процедурную.

Мальчик корчился в углу, прижимая к уху ладонь, и повизгивал, как затравленный щенок. Тонкая ниточка крови ползла по его щеке, прокладывая путь к шее. Дозорный тянул мальчишку за шкирку, пытаясь поднять, но тот лишь сильнее вжимался в пол.

– Вы бьёте его, – я упёрла руки в бока. – Беззащитного ребёнка!

– И что? – дозорный вскинул на меня бесцветный взор. До чего же неприятный тип!

– Это превышение полномочий!

– Не учите отца, госпожа, – отозвался дозорный. – Правило неприкосновенности работает лишь для жителей Девято-

го Холма. А этот парень – просто беженец-воришка, у которого нет хартии⁵ и документов.

Я вздохнула, пытаясь обуздать бурю, разгулявшуюся внутри. Понять дозорного было сложно, но вполне реально. Отлавливать нарушителей – его работа и обязанность, и то, с каким цинизмом он выполняет её, не должно иметь значения. Более того: как бы я ни отрицала, мы похожи. Нас – жриц – тоже порой обвиняют в бессердечии. Оно и понятно: если будешь сочувствовать всем и каждому, через пару годовых циклов дойдёшь до безумия. Расплавись и закоп-тишься, как восковая свечка во мраке. И останется только выжженный фитиль.

– И что же он украл? – я снова попыталась расставить точки над и.

Мой вопрос влетел в стену, расколотился на отзвуки и остался без ответа. Я, как безумец, разговаривала с пустотой. Станные посетители продолжали выяснять отношения, словно меня не было рядом.

– Ты врёшь! – взвизгнул мальчик, пытаясь вырваться из цепкой хватки. – Пусти!

– Покажи-ка свою хартию, малец! – дозорный сдвинул желтоватые брови.

– Нет у меня никакой хартии, я родился здесь! – пленник с вызовом посмотрел на своего мучителя.

⁵ – **Хартия** – документ, обеспечивающий право проживания в определённом городе Сердца Земли.

– Прекрасно, воришка. Документ?

– Я не воришка! – мальчик пихнул дозорного в живот.

– Ах, так?!

Рассвирепев, дозорный поволок мальчишку за шиворот к двери. Мальчик брыкался, выгибался и визжал, как дерущийся кот. Его поношенные ботинки не по размеру молотили по полу, раскидывая труху. На раскрасневшихся щеках блестели кривые дорожки слёз.

– Пойдите! – окликнула я дозорного, едва он выволок упирающегося подростка за дверь. – Что, если я установлю над ним протекцию?

– Забудьте, – бросил он через плечо. – Парнишка – нарушитель, и должен быть наказан по всей строгости Положений.

– Нет! – завизжал мальчишка, выгибая тощее тело дугой. – Ты всё врешь! Врешь!

Через десяток секунд сырая темнота погасила вопли и оставила меня в одиночестве. Вокруг сгрудилась тишина, такая густая и совершенная, что, казалось, можно услышать стук сердца, если хорошенько напрячь уши. О произошедшем теперь напоминали лишь грязные разводы в углу помещения, пара капелек крови на полу, да звенящая головная боль. И незнакомая, сосущая тревога под рёбрами.

Я потёрла виски. Вдавила ногти в кожу так, что она сделалась горячей. Только странная тревога никуда не уходила. Забыть пронзительный взгляд мальчонки не получалось.

Равно, как не выходило и понять, почему он так врезался в память. Когда я закрывала глаза, я видела его лицо: явно и чётко. Так, словно он опять стоял рядом и протягивал ко мне руки. И даже звуки, срывающиеся с его обветренных губ, чётко доносились до слуха. Как граммофонная запись, повторяющаяся снова и снова. Одно-единственное слово, пронзающее сердце и выворачивающее наизнанку душу. Слово, которое я мечтала услышать последние двенадцать годовых циклов.

Мама.

Я смахнула выступившие слёзы. По пальцу растянулся чёрный развод сурьмы. Хватит! Я здесь не для того, чтобы раскисать и предаваться болезненным думам! Люди со всего Девятого Холма приходят ко мне, чтобы получить помощь и исцеление. Если я не смогу быть сильной, я не оправдаю их надежд!

К моему облегчению, Ленор в коридоре не оказалось. Должно быть, досмотрев представление, она побежала на рынок обмусоливать с торговками свежие сплетни. И я не сомневалась, что стану героиней её сегодняшних историй.

В кабинете меня ждал Шири с двумя кружками отвара и листом вызовов. Судя по выражению его лица и расправленным крылышкам, я оказалась права в своих мрачных ожиданиях.

– Шестнадцать, – сообщил он угрюмо.

– Треклятые Разрушители! – простонала я, забирая завет-

ную бумажку. Сразу оценила географию адресов: хуже и не бывает! – От самого края рабочего квартала до района Храма Вершителёв! И когда уже закончатся эти простуды и лёгочные?!

– Никогда, – Шири вальяжно хлопнул меня по плечу. – Даже когда мы с вами уйдём к Покровителям, простуды и лёгочные останутся на этой земле. Увы и ах.

– Тебе-то хорошо рассуждать. Тебе не ходить по адресам...

Впрочем, я оказалась неправа. Простудами и лёгочными дело не ограничивалось. В графе «Повод для вызова жрицы» красовались совершенно удивительные причины.

– Всё болит, – карикатурным басом зачитал Шири, словно прочувствовав мои мысли. – Нога не идёт. Рваное дыхание. Зудят коленки. Посмотрите-посмотрите, госпожа Альтеррони!

– Запор, – прочитала я в конце списка. – Тридцать восемь годовых циклов. Тоже мне, повод. Мог бы и сам до амбулатории добраться.

– Видимо, у него тоже нога не идёт, – мрачно констатировал Шири.

Тучи за окном растянулись до самого горизонта. Небо походило на огромный холст, небрежно вымазанный серой краской. Дождь разыгрался не на шутку. Сплошные потоки воды копьями летели вниз, сравнивая небо с землёй. Капли врезались в подоконник, крошась на мириады брызг. Мир

преломлялся в каждой, переворачиваясь с ног на голову.

И я тоже хотела, чтобы мой мир перевернулся.

Я вышла из амбулатории в два часа дня, с чемоданчиком в одной руке и зонтом – в другой. Ливень поутих, превратившись в ленивый дождик, но это не давало повода разгуливать без прикрытия.

Влага, сгустившаяся в воздухе, пропитала платье, едва я сошла с крыльца. Треклятые Разрушители, как всегда забыла взять с собой плащ! С моей-то предусмотрительностью – неудивительно. Почтение Покровителям за то, что хоть зонт дома не оставила.

Я ненавижу прогулки по отсыревшим улицам почти так же, как ненавижу субботы. В такие моменты всегда вспоминается, что мой муж держит двух прекрасных меринов и заботится о них, как о родных детях. Тем не менее, я всегда ходила по адресам пешком и возвращалась домой на общественной повозке. Ведь, если верить моему мужу, его меринны созданы для спортивной езды по лужайке возле дома, а не для скачек по ухабистым улочкам Девятого Холма.

Лужи на Центральном Проспекте лежали сплошняком, перемежаясь с островками густой грязи. Пара километров напролом – и вода захлюпала в туфлях. Чулки пропитались насквозь, да так, что водяные пятна поднялись над окантовкой обуви. С раздражением я отрывала ноги от мостовой, каждый раз опасаясь, что подошва останется в придорожной

луже. Воздух вокруг пах свежестью, мокрой пылью и скошенной травой. В обычной ситуации – самый прекрасный запах из существующих. Но не сегодня. Когда на плечи сваливаются проблемы, даже любимое блюдо кажется бумагой.

Гребни крыш, торчащие из вороха отмытой листвы, походили на разрушенные зубы в воспалённых дёснах. Мансарды тонули в сероватом тумане, оставляя после себя размытые силуэты. Я тащилась вдоль парковой зоны, стараясь найти в себе силы не сесть в лужу и не зареветь, как младенец. «Давай же, Сирилла, – звенел в голове голос покойной матушки. – Не позорь наш клан! У нас нет слабых женщин. Бери пример со своей сестры!» «Ты ещё будешь гордиться мной, мама!» – пообещала я мысленно, и призрак прошлого растаял вместе с одиноким лучом, что на мгновение прорвал завесу туч.

Ветер то и дело налетал порывами, пытаюсь раскачать и сбить с ног. Я старалась съёжиться посильнее, чтобы устоять и сохранить уходящее тепло. Капли барабанили по листьям над моей головой, гнули их резные края и, срываясь, падали на зонт. Покровителям не было никакого дела до географии моих домашних вызовов, равно как и до моего состояния.

Парк остался позади, и я вышла к городскому рынку. Дождь украл пушистые очертания деревьев, превратив улицу в бесцветный коридор. Зайдёшь в такую дымку – заблудишься ненароком.

Дом первого занемогшего находился у рыночной площа-

ди и прятался в паутине виноградника. Проём с выбитыми дверьми, меж досок которых сочилась смрадная темень подъезда, напоминал беззубый рот. Четыре окна на верхнем этаже, щурясь, поглядывали на меня.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я едва не соскользнула вниз. Бросив зонт, вовремя ухватилась за перила и потянула запястье так, что кости захрустели! И как я только после этого не отправила к Разрушителям мясника Доната, жалующегося на боли в суставах и категорически не соглашающегося хоть немного сбросить вес!

С занемогшими, вызывающими на дом по делу, диалог я строила быстро и эффективно. Поэтому пять адресов у площади я вычеркнула из списка быстро. После, перебежав дорогу у рынка и едва не влетев под колесницу, я вспрыгнула на отходящую повозку номер пять и помчалась в рабочий квартал сквозь дождь и ветер. Через восемь минут тряски я была на месте.

Рабочий квартал по праву считался самым хмурым местом на Девятом Холме. Деревьев здесь произрастало мало, лишь голая почва чернела кругом. Здесь, на самой окраине города, не было и мощёных тротуаров, как в центре. Лишь пара хлипка протоптанных тропинок тянулась вдоль ряда просмоленных домиков.

От остановки пришлось тащиться по голой грязи. Нужный мне дом находился у подножия холма, почти в лесу. К тому моменту, как я добралась до пункта назначения, мои

туфли превратились в грязевые комки. Пришлось доставать из чемоданчика бутылку воды и устраивать им водные процедуры, прежде чем зайти на порог.

Дверь открыла полная женщина в алых одеяниях. К счастью, на мои туфли она даже не взглянула и сразу пригласила внутрь.

– Матушка слегла, – сообщила она на ходу.

В комнате царил беспорядок. Кучи тряпья пестрели по углам. Мебель выглядела расшатанной и прогнившей. Обычно такие интерьеры я видела в домах одиноких и немощных стариков, что не смогли произвести потомство или отправили сыновей на Посвящения⁶.

Но, судя по всему, хозяйка дома не была одинока. Рядом с кроватью старушки, сидели ещё две дамы среднего возраста. Одна из них, судя по чёрному платью и глухому вороту, была непосвящённой⁷.

⁶ – **Посвящение (Великое Посвящение)** – ритуал, проводимый в Храме Вершителей на седьмой день жизни любой девочки. Цель ритуала – открыть Поток, чтобы девочка смогла использовать магию. В ходе ритуала отца девочки отправляют к Покровителям путём отрубания головы на жертвенном алтаре. Отец может отказаться отдавать свою жизнь за дочь, но в этом случае единственный его путь – пожизненная ссылка в Пропать.

⁷ – **Непосвящённая** – женщина, не прошедшая на седьмой день жизни ритуал Великого Посвящения по причине бегства, смерти или отказа отца. Непосвящённые не имеют права использовать магию и получать образование по специальностям, связанным с использованием Потока. Они обязаны всю жизнь носить чёрные одежды и закрывать плечи. Также непосвящённые не имеют права заводить отношения с мужчинами и рожать детей.

Я наклонилась над кроватью пациентки. В лицо врезался пустой и отрешённый взгляд человека, потерявшего рассудок, и, судя по всему, давно. Засаленные волосы, небрежно скрученные в узел, перепачканный рот, слизь, застывшая корками в носу. И запах застарелой мочи, тяжёлый и густой. Запах лежачего занемогшего, который ни с чем не перепутаешь.

Нет. Эта женщина всё же была одинока.

– Кем приходитеесь занемогшей? – я посмотрела на женщин, безупречно отыгрывающих беспокойство.

– Д-дочери, – произнесла полная алая дама.

– Почему не ухаживаете за мамой должным образом?

– Мы ухаживаем! – непосвящённая всплеснула руками. – Она ведь только вчера слегла.

– До этого ходила, ела и пила сама, – закивала женщина в алом.

Только вчера. Свежо придание! Я слышала это каждый раз, когда приходила на дом к обезножившим ненужным старикам. А по факту видела гниющие пролежни, опрелости, грязное бельё и ногти, которыми можно копать землю.

Но кто такие жрецы, чтобы поучать и читать нотации? Я прикусила губу, дабы не сказать лишнего, и произнесла ключ. Поток пришёл быстро, ошпарив головокружением. Краски перед глазами, как и обычно, сделались болезненно-яркими. Воздух заиграл желтизной. К потолку поплыл запах, напоминающий аромат сандала и ванили – неизменное

амбре моих заклинаний, к которому я никак не могла при-
выкнуть.

Я приложила руки к вискам старушки. Золотой свет ко-
коном окутал её голову. Дымка сгустилась, занавесив смор-
щенное лицо, и покатила по шее. Лишь у лба старушки
осталось голое пятно. Потоки энергии сновали мимо, чётко
огибая его.

– Кровоизлияние в мозг, – констатировала я, убирая ру-
ки. – Обрываю нити.

Золотистое сияние сбежало с моих пальцев, как вода, и
растаяло.

– Значит, вчера у неё случилось кровоизлияние, – заклю-
чила непосвящённая. – Жрица... эээ... Госпожа...

– Госпожа Альтеррони.

– Госпожа Альтераци, напишите нам заключение о её
невменяемости, чтобы мы смогли продать этот дом без про-
блем с дозорными!

– Застарелое кровоизлияние, – пояснила я. – Месяц как
минимум. Об этом и дам заключение.

Женщины переглянулись. Недовольные гримасы искази-
ли три похожих лица.

– Но, – возразила та, что прежде не подавала голоса, –
у дозорных же возникнут вопросы, почему так давно... И
почему жрицы у нас не было.

– Возникнут, – я пожала плечом. – И у меня возникли,
если честно.

– Но госпожа Альтераци!

– Альтеррони.

– Может, мы придём к консенсусу?

Я промолчала. Сжав зубы, настрочила заключение, в котором, как и положено, указала истинную давность недуга. Положила бумажку на стол. Единственная, с кем эти дамы должны будут прийти к консенсусу – совесть.

Следующий адрес – слава Покровителям – оказался совсем рядом. Через два дома. Однако, пройдя пару десятков метров, я снова нацепляла на туфли грязи. И снова пришлось поливать их водой у порога.

У двери меня встретила девушка в светло-серых одеяниях, совершенно здоровая на вид. Проводила в маленькую прихожую с комковатой грязью на полу, где воздух был до оскомины пропитан табаком. Почти все мужчины рабочего квартала курили, многие – даже дома. А в этой семье, судя по аромату, курили не только мужчины.

– Разувайтесь, – выпалила девушка, глядя на мои истерзанные туфли.

– Регламент запрещает, – сложив зонт, я поставила его в запаутиненный угол.

– Вы же несёте Поток света! – девушка дерзко вскинула подбородок. – Вы должны!

– А потому могу сказать, что вы в состоянии были сами дойти до амбулатории, – нашлась я. – Что мешало?

Девушка скривилась, сделавшись похожей на печёное яб-

локо. Её голубые глаза недобро блеснули, и мне захотелось развернуться и зашагать прочь. Конфликтные занемогшие встречались почти каждый день, и каждый раз я с трудом преодолевала желание поставить их на место.

– Не хотите разуваться – будете слушать меня здесь, – скандалистка брезгливо подвинула мне стул. Деревянные ножки шаркнули по доскам пола, скатывая грязь в колбаски.

Пожав плечом, я присела и откинулась на спинку. И не таких встречали. Главное – сохранять спокойствие и улыбаться. И не лезть на рожон.

– Слушаю, – отрезала я. – Уже давно слушаю.

– Знаете, жрица, – девушка неожиданно стала мягкой. – Покровители не связываются со мной⁸ вот уже целый сезон.

– Это, безусловно, экстренный повод обратиться за домашней помощью в дежурный день, – я закивала с показной участливостью. Эмоции рвались наружу, застывая комками в горле. Приходилось глотать их вместе с вязкой слюной. – И как я могу вам помочь?

– Посмотрите, не забеременела ли я? – произнесла девушка шёпотом.

Ох уж эта извечная дилемма молодости. Беременна – не беременна. От мужа – не от мужа. Мальчиком, или – о, ужас – девочкой. Видели таких. И не таких.

– В течение сезона вы могли явиться на осмотр, – возразила я. – Магические методы расходуют слишком много энер-

гии и не входят в Положение оказания помощи на дому.

– И что?

– А то, моя дорогая, – я пожала плечом, – что сегодня у меня шестнадцать адресов. Если я пойду вам навстречу, на помощь занемогшим меня может просто не хватить.

– Это ваши проблемы! – девушка капризно топнула ногой. – Зачем мне идти на осмотр? Это позорная процедура! И ведь только с помощью Потока света можно посмотреть пол ребёнка!

– Я всё сказала, – я поднялась со стула и принялась расправлять платье. – Приходите в амбулаторию. Вы ведь и сегодня могли прийти сами.

– Так какой же дурак в такую погоду на улицу выйдет? – девушка возмущённо пожала плечами.

– Например, дежурная земская жрица.

– Ну, вы же сами знали, куда шли!

Уходя, я хлопнула дверью. Просто не выдержала.

Сойдя со ступеней, я долго рассматривала свои руки, не в силах поверить, что вышла из себя при исполнении. Самым горестным было осознавать, что взбесило меня не безрассудство молодой женщины, и не её лень. Меня вывело из себя то, что она ждёт ребёнка. Покровители даровали ей благо, которого не дали и никогда не дадут мне.

После шести адресов рабочего квартала я в своём жёлтом платье стала ходить на выжатый лимон. Вернее, на гниющую скомканную цедру. Вода пропитала оторочку юбки, и

теперь оборка при каждом шаге обвивалась змеёй вокруг лодыжек. Комья грязи налипли на подошвы. Даже кончики волос отсырели, и теперь неприятно холодили шею.

Осторожными шагами я приближалась к остановке общественной повозки. Грязь пузырилась под ногами, как ведьмино варево. Дождь и не думал прекращаться. Мало ли того: ветер снова пошёл в разгул. Налетел, ударил в лицо, и, вырвав зонт из моей руки, понёсся по улице дальше вместе с добычей.

– Ээээй! – закричала я, провожая взглядом зонт. – Треклятые Разрушители! За какие грехи?!

Крик улетел вместе с порывом ветра и запутался в листе одиноких деревьев. Крупные капли ударили по затылку и заскользили по волосам. Опомнившись, я развернулась и помчалась за улетающим в никуда зонтом. Ноги, стиснутые промокшими туфлями, ныли и просили пощады, но послушно месили грязь.

Тщетно. Зонт стремительно отдалялся, словно зазывая вернуться в недры квартала. Пролетел чёрной медузой над грязевыми бороздами, подпрыгнул, едва не вцепившись спицами в крону кривой берёзы, а затем спикировал вниз и, не касаясь земли, унёсся за чей-то забор.

Молния пронеслась по небу, на мгновение выбелив землю и превратив деревья в фиолетовые зигзаги. Я раздосадовано хлопнула себя по бёдрам и снова помянула Разрушителей: на этот раз, громче. А что мне ещё было делать? Осталась

в одиночестве под проливным дождём, в мокром платье и почти развалившихся туфлях, уставшая, как выучный вол, да ещё и с тяжёлым чемоданом в руке! Скажи кому – засмеют!

Впору было помчаться домой, но я не могла. На мне висело ещё пять адресов.

– Спокойно, – пробормотала я, стараясь не расплакаться от досады. Запрокинула голову, подставив лицо дождю. Горьковатый привкус белил для щёк скользнул по губам. – Спокойно, госпожа Альтеррони. Это – не худшее, что могло с вами произойти. Осталось ещё пять домов. Всего пять.

Раскат грома разлетелся по облакам. Набрав громкость, он обрушился на землю, а затем плавно сошёл на нет. Сквозь басовитые отзвуки прорезалось цоканье копыт.

Бросила взгляд в конец улочки. О, удача! Пятая повозка стремительно приближалась к остановке со стороны леса. Ну, хоть сейчас Покровители пришли на помощь! За двадцать минут я доскочу до элитного квартала, а оттуда – рукой подать до Храма Вершителей.

Тройка измождённых гнедых коней пронеслась мимо. Фонтанчики брызг весело летели из-под копыт. Я отчаянно замахала вознице. Заметив меня, он взметнул в воздух красный платок. Значит, подождёт.

Я подхватила свой чемодан и рванула к остановке. Мокрые волосы облепили лицо. Грязь с аппетитом всасывала мои туфли, знаменуя каждый шаг жадным чавканьем. Сил почти не осталось: усталость разливалась в мышцах, как расплав-

ленный металл.

С трудом подняла голову. Потоки дождя полились на веки, кромсая картину перед глазами на дрожащие лоскуты. Впереди по-прежнему чернела витая тропа, укрытая сплошными лужами. Остановка совсем не приблизилась! Пара десятков метров до пункта назначения теперь казались долгими километрами.

– Ещё рывок! – успокоила я себя, не понимая, что произношу это вслух.

Сохранять позитив в такой ситуации было крайне сложно. Контролировать себя – ещё труднее. Всё, чего я могла желать – чтобы это никак не сказалось на занемогших. И не помешало мне выполнить свой жреческий долг.

Собрав силы в кулак, я сделала рывок. Слякоть с хлюпаньем выплюнула мою ногу, едва не потопив туфлю. Вывернула стопу, пытаюсь посадить обувь на место. Пятка послушно зашла в вырез туфельки, но вот беда – голень пронзила судорога. Да с таким напором, что я от неожиданности согнулась пополам. И так неудачно, что не смогла удержать равновесие и бухнулась в слякоть на одно колено.

Жидкая грязь поползла по юбке, пропитывая тонкий шёлк. Я не удержалась от истерического хохота: всё же, лучше, чем рыдать. Превозмогая себя, поднялась и одёрнула юбку. Серовато-чёрное пятно нырнуло меж складок, но при первом же шаге снова высунулось наружу.

На кого я теперь похожа? Бродячие псы и то чище.

Чертыхаясь, я потащила к остановке. Платье, обвисшее от влажности, собирало ветки и оборванные листья. Завтра грядёт большая стирка! Хорошо, что впереди выходной.

Кондуктор в повозке зажалась в угол и всю дорогу косилась на меня, словно я перебрала хмельного. Даже денег не взяла. Её опасения понятны: нормальные люди в таком виде по улицам не разгуливают. Только особо отъявленные земские жрицы, вроде Сириллы Альтеррони.

В элитном квартале дверь мне не открыли. Тщетно я громыхала воротами, дёргала глухо закрытую калитку, звонила в колокольчик. С той стороны забора отвечала лишь тишина, перемежаемая шёпотом дождя и шелестом листьев. Я простояла под ливнем положенные по регламенту десять минут, а затем, нацарапав на кусочке пергамента записку и втиснув её в щель, пошла прочь. Их проблемы.

До района Храма Вершителей я добралась пешим шагом за четверть часа. К тому моменту я почти слилась с дождём и походила на бестелесную тень. Ноги тащили меня сквозь улицы на автомате. Тело давно перестало подчиняться сознанию. Внутри остались лишь рефлексy: никаких чувств и эмоций. Когда на негодование не остаётся сил, приходит смирение.

Стоит ли говорить, что на каждом адресе на меня смотрели, как на безумную? И нюхали воздух, пытаясь понять, не тянет ли от меня зелёным змием. В обычной ситуации я бы расвирепела и выдала что-нибудь колкое. Но когда дождь

съел тебя, подобрать слова бывает сложно. Равно как и постоять за свою профессиональную честь.

Адрес с запором я специально оставила напоследок. Словно надеялась, что вызывающему молодому мужчине станет стыдно за ерундовый повод.

Нужный мне дом спрятался в тихой глубине квартала, в густой поросли вишен и слив. Когда я добралась до него, небо уже начало приобретать тёмно-фиолетовый отлив. Дождь и не думал прекращаться. Похоже, зарядил на целую неделю.

Дверь распахнула заплаканная женщина в тёмно-оранжевом. Взгляд её мокрых глаз горел надеждой. Удивительно, но она не стала оглядывать меня с ног до головы, как люди на предыдущих адресах. Её не смутили ни туфли, обляпанные землёй, ни обвисшие от влаги волосы, ни грязное платье, которое к тому моменту можно было отжимать. Она сразу пригласила меня войти: без лишних церемоний и замечаний.

– Госпожа Альтеррони! – начала женщина с порога. – Ну, неужели! Наконец-то вы пришли! Мы очень ждали именно вас!

Впрочем, мой настрой её слова никак не изменили. Обида скреблась в груди, как бешеная кошка. Хотелось выплюнуть её из себя. Вырвать, да так, чтобы навсегда: словами, взглядами, замечаниями...

– Ждали именно меня на запор? – со скептицизмом пробормотала я. – Бодрый мужчина тридцати восьми годовых

циклов мог бы и сам...

Мой голос оборвался, едва я зашла в спальню. На постели, почти сливаясь с белыми простынями, лежал молодой мужчина. Его болезненно блестящие глаза были слишком огромны для истощённого лица с выпирающими скулами. У кровати занемогшего горбился мальчик-подросток. Своими ладошками он сжимал паукообразную руку мужчины и время от времени гладил её.

– Моё почтение, жрица Альтеррони, – пробормотал мужчина сухими губами и тут же застонал. Пот проступил на его лбу крупным бисером.

Я кивнула в ответ, не в силах выговорить приветствие. С недугом всё было ясно: его бы распознала с первого взгляда любая выпускница Академии.

Только... как? Такого не должно быть! Ему равно к Покровителям! Почему такой молодой?!

– У Оскара чёрный недуг, – подтвердила женщина мои догадки. Как во сне я заметила, что она вытирает глаза. – Уже пустил щупальца, как сказала жрица Хамовски. Везде, где только можно.

– Простите, – выдохнула я, не зная, как оправдаться.

Стыд полоснул по щекам горячей волной. Хотелось спрятаться, закрыть лицо, отвернуться, лишь бы скрыть свои чувства. Иногда завидное умение делать выводы преждевременно играло мне вовсе не на руку. Уметь бы ещё стелить соломку прежде, чем упасть.

– У него боли, – проговорил мальчик из своего угла.

– Госпожа Хамовски уже выписывала господину Оскару обезболивающие настойки? – поинтересовалась я. – Жгучий перец, боль-траву?

– Жрица Альтеррони, – женщина умоляюще взглянула на меня и отвернулась к окну, словно стесняясь своих слёз. – Боль-травы не помогают Оскару. Вот уже второй день она не облегчает боли. А сегодня у него раздуло живот. Я слышала...

– Что?

– Я слышала, что именно ваш Поток направлен на долгое облегчение сложных болей, – женщина закрыла лицо руками. – Простите, простите нас за беспокойство, жрица Альтеррони, но Оскар не может больше терпеть. Сможете ли вы ему помочь?

Сказать, что я изумилась, значит не сказать ничего. Врождённое заклятие моего Потока казалось мне абсолютно бесполезным в работе. Занемогшие с острой болью обычно посылали за жреческим активом, а не шли в амбулаторию. Иногда, правда, меня просили облегчить зубную боль, пока помощники по частям вырывали чьи-то разрушенные зубы, и это была единственная область применения моего дара. Для остальных видов болей существовали базовые заклятия, которыми в той или иной мере владела каждая жрица, закончившая Академию.

Я никогда не считала, что Покровители наделили меня

чем-то особенным. И завидовала уникальным врождённым заклятиям моих коллег... До того, как положила ладони на вспотевшее тело Оскара и призвала свой Поток.

Знакомое головокружение смазало краски. Руки задрожали. Золотые нити, переплетаясь паутиной, заскользили по коже Оскара. Унимая чужую боль, главное – не перетянуть её себе. Когда моя непосвящённая сестрица, не обученная в Наставне азам защиты, тайком использовала магию на дворовых кошках, у неё получалось именно так.

– Мне намного лучше, – выдавил Оскар. – Я уже не чувствую боли.

– Ещё минутку, – попросила я. – Нужно закрепить результат.

Я закрутила энергетические потоки спиралью и послала их вдоль позвоночника. Жёлтые нити просветили тело занемогшего насквозь, словно пропитав его мёдом. Жрица Хамовски была права. Щупальца чёрного недуга везде: в лёгких, в печени, в брюшной полости.

– Посмотрите, – я показала на чёрную дыру, сформированную энергетическими нитями. – Это – основной узел. Он пережимает кишку. Болей не будет сутки, но причина останется. К сожалению, я не в силах ему помочь.

– Нам ничего не нужно, – выдохнула женщина. – Лишь бы этой боли не было.

В наших краях чёрный недуг считался неизлечимым. Редкие жрицы Девятого Холма могли приостанавливать его, но

защита в этих случаях не помогала. Это всегда сказывалось на их здоровье. Да и, к тому же, спустя несколько недель, хворь начинала цвести снова и пускала новые щупальца.

– Обрываю нити, – произнесла я, когда на щеках Оскара проступил лёгкий румянец.

Жёлтые нити стеклись в одну точку, сжались в комок и, загоревшись яркой вспышкой, растаяли в воздухе. Сандалово-ванильное амбре взлетело под потолок, пропитав комнату.

– Вот и всё, – я опустила руки.

– А теперь я помогу вам, – отозвалась хозяйка дома. – Даже не возражайте.

Я услышала знакомые слова ключа, слетающие с её уст. Женщина попятилась к окну, вытянула руки, и потоки горячего воздуха окутали меня, щекоча кожу. Удивительно, но они не вздыбливали волосы и не колыхали складки юбки: просто проникали сквозь меня, не встречая препятствий. Однако влага с кожи и одежды стремительно испарялась. Ко мне возвращалось удивительное ощущение комфорта и уюта, смытое дождём.

Через три минуты волосы и платье уже были сухими. Оставалась лишь одна нерешённая проблема: грязное пятно на юбке. Впрочем, теперь она казалась не столь важной. Некоторые неприятности можно оставить на потом.

Уходя, я долго слушала благодарности. И думала о том, какими разными бывают люди и как их ломают обстоятель-

ства. Я ненадолго оставила Ленор, не пожелав потакать её капризам, и тут же поймала проклятья в спину. А за двадцать четыре спокойных часа для незнакомого занемогшего, после которых боль неизбежно вернётся, получила уйму добрых слов, да ещё и помощь.

Когда я вышла на аллею перед Храмом, темнота уже наводнила улицы. Беззвёздное небо опрокинулось на город, как синее шерстяное покрывало. Дождь, наконец, успокоился: теперь лишь редкие капли падали вниз, оставаясь кругами на лужах.

Дежурство закончилось. Я шла домой, волоча неожиданно отяжелевший чемоданчик. И надеялась, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Глава 3

Первый прыжок

– Где ты пропадала весь день? – врезалось в уши, едва я перешагнула порог.

Я застыла в дверях, не в силах даже поднять взор на мужа. Йозеф коротал время в раскладном кресле у растопленного камина, вытянув ноги в полосатых вязаных носках. Он, как всегда, не удосужился ни отпереть калитку, ни взять мои вещи, ни принять вертикальное положение.

– Я?! – сорвалось с губ.

– Ты, Сирилла, – Йозеф лениво повернул голову, но так и не поднялся с кресла. Его щёки, заросшие щетиной, залоснились в свете открытого огня. – Не я же.

Я скинула у порога искорёженную обувь. Кажется, туфли после сегодняшнего приключения отправятся на помойку. Прошла в гостиную, протопав по дощатому полу, и бросила чемоданчик на диван. Отчитываться перед Йозефом не было ни малейшего желания. Мы давно уже не только не делились личными переживаниями, но и не спали в одной постели.

– Сирилла, – монотонно повторил Йозеф, запахивая полы халата. – Я тебя спрашиваю.

– Как будто бы не знал, что я дежурю сегодня, – бросила я в пустоту, накалённую раздражением и свечными огнями.

– Бедненькая. Устала, должно быть. И проголодалась, – в голосе моего мужа, однако, не слышалось и капли сочувствия. – Я тоже голоден, Сирилла. Переоденься и приготовь поесть. Мы хотя бы поужинаем вместе.

– Я с ног валюсь, Йозеф, – отрезала я. – Не до еды мне. Почему ты сам не мог что-нибудь сообразить?

– Кухня – женское дело. Не заставляй меня умирать с голоду и заниматься тем, чем я не должен.

Запах оплавленного воска неожиданно стал явственным и острым. Я зыркнула через плечо. Два круглых карих глаза, выглядывающие из-под длинной чёлки, держали меня в фокусе. Этот взор подтверждал, что Йозеф будет биться за свою точку зрения до последнего.

Имеет ли смысл противоречить ему сейчас, когда у меня нет сил даже перекусить? Ведь спор будет бесполезен. Я никогда не добьюсь от мужа ни понимания, ни заботы, ни желания разделить мою нелёгкую долю. Даже вечером, после субботнего дежурства, когда вымотана до предела и не держусь на ногах.

Когда хочешь изменить то, над чем не властен, приходит ярость. Вливается в кровь огненным потоком, ошпаривает виски, стучит в голове частыми ударами пульса. И занавешивает глаза чёрным. Да так, что за этой пеленой не видишь ни того доброго, что было, ни других, ни себя.

– А что же ты должен тогда?! – не выдержав, подлетела к креслу и топнула ногой. Половицы заскрипели, но выстояли.

Лишь посуда в серванте жалобно звякнула. – Всё здесь делаю я! Я зарабатываю на жизнь, я готовлю, я убираюсь, я стелю тебе постель и стираю рубашки, я даже в стоке ковыряюсь и чищу выгребную яму! А ты в знак благодарности не можешь хотя бы раз уступить мне!

– Что?!

Взгляд мужа стал острым и пронзительным. Таким и убить можно. Вот и мне показалось, что в горло влетело лезвие и вышло со стороны спины, протыкая насквозь. Ощутила себя выпотрошенным цыплёнком и на миг забыла, как дышать. Я потёрла горло, прогоняя иллюзию. Не помогло.

– Кажется, ты забыла важные вещи, Сирилла! – Йозеф вскочил с кресла и выпрямился, как струна.

Брови мужа, задёргавшись, сошлись над переносицей. Грузная тень нависла надо мной, как саван смерти. Рука Йозефа взвилась в воздух, и тень дала отросток – щупальце чёрного недуга, не иначе. Широкая ладонь с глубокими линиями мелькнула надо мной: того и гляди, опустится на затылок! Я сжалась в комок и инстинктивно прикрыла голову руками, готовясь принять удар.

Однако боли не последовало. Как и удара. Лишь тишина стала гуще, законсервировав нас в остановившихся секундах. Казалось, что даже часы перестали тикать.

Не знаю, сколько мы стояли так, друг напротив друга. И когда я уже хотела взять на себя вину и покаяться, лишь бы прервать никому не нужный конфликт, голос Йозефа про-

рвал затянувшуюся тишь.

– Сирилла, ты живёшь в моём доме, – сказал он. – Мы по-прежнему муж и жена. Я ношу твою фамилию. А ещё, Покровители уже двенадцать годовых циклов не дают тебе ребёнка. Хочешь продолжать жить тут – будь добра, плати хоть услугами.

– У нас нет понимания. Я расторгну наш союз, – сорвалось с моих губ, и я снова съёжилась, опасаясь, что Йозеф не выдержит.

– Я давно этого жду, – выдавил Йозеф мне на удивление. – Но никак не дождусь. Имел бы право – сам давно бы порвал с тобой, но дурацкие Устои и Положения ни во что не ставят мужчин. А ты – эгоистка, держишь меня при себе и играешься. Тебе ведь просто не хочется возвращаться в твою гниющую развалюху. Потому что на нормальную квартиру твоего дохода никогда не хватит.

Каждое слово, слетающее с его губ, прошивало насквозь. И, что самое ужасное, Йозеф был прав. Но и я была права тоже. Вот только у наших правд не было точек соприкосновения. Они не сшивались в одну истину, которая могла бы стать нашей общей.

Не ответив ни слова, я нырнула в боковой коридор. Ноги вынесли меня в маленькую кухню с видом на захламлённый задний двор.

Я сорвала с крючка старый домашний халат и накинула его прямо поверх платья. Открыв окошко погреба, вытащи-

ла ошипанную тушку утки, отмыла её и натёрла солью и специями. Растопила печь. Пока резала лук – чихала в кулак и вытирала слёзы. Вот и пришла пора благодарить Покровительей за то, что дождь смыл всю косметику.

Я нафаршировала утиную тушку гречневой крупой с жареным луком и положила поверх ломтики яблок. Замахнулась иглой с толстой нитью и стянула тушку, да так плотно, что начинка полезла через горло. При этом я едва не пришила кружевную оторочку рукава к утке и пару раз укололась. Теперь главное следить за временем, чтобы блюдо без потерь дошло до кондиции.

С чувством выполненного долга я швырнула утку в печь. Есть не хотелось совершенно. Стараться ради Йозефа – тем более.

Когда я гневалась на мужа, я старалась воскресить в памяти всё лучшее, что у нас было. Раньше это помогало. Теперь же вместо счастливых картин молодости всплывали обиды, и я никак не могла прогнать их дурное послевкусие. Я снова и снова вспоминала те моменты, когда Йозеф не утешил, не подошёл, не спросил, не позаботился, не помог... И двух роскошных меринов в нашей конюшне. А потом – общественную повозку, на которой я ежедневно возвращалась домой.

Я не обязана была брать на себя всё, но брала снова и снова...

Когда я добралась до своей спальни, часы показывали десять. Стянув через голову грязное платье и отправив его в корзину для белья, я нырнула под одеяло. Мелодия дождевых капель, колотящихся о стекло, и далёкий шелест листьев убаюкивали и возвращали спокойствие. Ветерок, врывающийся в открытую форточку, мягкими волнами скользил по занавескам.

Тревога растаяла, едва голова коснулась подушки, а усталость неожиданно стала приятной. Разлилась по мышцам терпкой тяжестью, смежила веки, понеслась чередой образов перед закрытыми глазами... Вслушиваясь в тиканье часов, я подумала о том, что жизнь, пожалуй, не так и ужасна. Я – дома, завтра – выходной. Можно будет поспать подольше, и я, пожалуй, позволю себе эту роскошь. Я это заслужила.

Сон, настигший меня, вопреки ожиданиям, оказался беспокойным и тревожным. Я скакала верхом по бескрайнему полю, спасаясь от полчища чёрных всадников. Казалось, что я отрываюсь от преследователей. Но, едва я давала коню отдохнуть, на горизонте снова появлялись чёрные пики, выставленные в кровавое небо. Я неслась, ища потайные тропы, путала дорогу, ходила кругами, но каждый раз всё заканчивалось одинаково. Горизонт заливала чернота. И я понимала, что идут за мной...

Но вот, бесконечный путь кончился. Конь увяз в болоте, и всадники нагнали меня, обступив. Чёрные вуали плащей и флагов занавесили небо. Десятки красных глаз вытаращи-

лись на меня, пророча скорую смерть...

Едва копьё в три роста поддело меня под рёбра, я с криком проснулась. Картины сна растаяли в темноте, вместе с удивительно явной болью. Ощупала живот, надеясь найти кровавую рану. Руки скользнули по корсету, который не хватило сил снять. Цела.

Я попыталась вдохнуть поглубже, дабы свежий воздух рассеял обрывки видений. Шмыгнула носом и обнаружила, что могу дышать только через рот. Втянула по сильнее – внутри носа проклокотало влажное бульканье.

Гадкий насморк, тебя ещё не хватало! Как я надеялась, что после сегодняшней прогулки под дождём злая участь меня минует, но нет же! Но, надо отдать должное Покровителям, это – не худшее, что могло произойти. Многие из наших и лёгочную хватали.

Опасаясь, что к утру меня может залихорадить, я поднялась с постели и закрыла форточку. Ветер, несущий за собой капельки дождя, обиженно стукнулся в стекло и затих. Я дёрнула штору, занавешивая багрово-красное небо, так похожее на образ из моего сна. Комната погрузилась во мрак. Теперь лишь редкие молнии, просачиваясь сквозь плотный бархат, вспышками рассеивали темень. Гроза сходила на нет, как и страшная суббота.

Лёжа в темноте под парой одеял, я пыталась призвать Поток, дабы облегчить насморк. Но сон накрывал быстрее благодати Покровителей: слова ключа спутывались клубком на

языке, теряли звуки и слоги, преобразались в труднопроизносимые сочетания, не имеющие никакого отношения к магии. Прогоняя небытие, я начинала сначала, но всё завершалось так же. Голова кружилась, веки слипались, слова путались, а я старалась удержать последние крупницы рассудка. До тех пор, пока очередная волна сна, связавшая узлом язык и скрутившая мысли, не прервала мои мучения.

Я опять неслась по полю, только на этот раз – на своих двух. Воздух звенел ароматом реки, утренней росы и камыша. Розовый рассвет разгорался на горизонте сочной ниткой. Толстые стебли разнотравья хрустели под подошвами, а полевые цветы рассыпали лепестки по подолу моей жёлтой юбки. Я чувствовала себя освобождённой и вольной. Как птица, что уносится к югу в холодное время. Я бежала, оставляя позади километры, и дышала этой мимолётной свободой и радостью, позволяя ей заполнять каждый уголок тела и разума.

Продравшись через цветущий багульник, я вышла к озеру. Прозрачные воды дробили рассветные блики, переламывали деревья, крошили сиреневое небо. Я наклонилась, чтобы зачерпнуть воды и ополоснуть лицо. Пальцы коснулись ледяной глади, и вода бриллиантами заструилась по коже.

Склонилась ближе, дабы рассмотреть своё отражение. И вдруг увидела по ту сторону её. Ту, что одинаково страстно желала и вернуть назад, и вычеркнуть из памяти.

– Ты виновата, Сирилла, – рука отражения, так схожая с

моей, прорвала прозрачную гладь и легла на плечо, стиснув кожу. Мёртвый мороз проник в каждую клеточку тела, превращая меня в стекло. – Ты должна была оказаться на моём месте!

– Просыпайся! – женский голос прервал мой сон, расколотив иллюзии на смутные отголоски видений.

Не размыкая век, я сделала глубокий вдох ртом. Нос заваляло окончательно: если накануне вечером я ещё могла кое-как втянуть воздух, то теперь не получалось вообще. Удивительно, но и усталость никуда не ушла. Напротив: сделалась глубже и тяжелее. словно металлическая проволока с острыми краями оплела мышцы. Должно быть, насморком дело не ограничится.

– Ещё рано, – выдавила я через силу. Ну, точно – простуда налицо. Мой голос сделался писклявым и осип, да так сильно, что я его не узнала!

– Просыпайся! – зов повторился. – Пора! Через десять минут будет семь утра!

Значит, не показалось.

Кто-то мягко, но настойчиво долбил меня в спину, точно промеж лопаток. Интересно, кто к нам заявился с утра пораньше? Экономку мы не нанимали, а матушка Йозефа, как и моя, давно ушла к Покровителям. Конечно, к нам могла нагрянуть младшая сестрица мужа, но с чего бы ей тревожить мой сон с утра пораньше, да так настойчиво?

– Я ещё посплю, – ответила, не открывая глаз. До чего же некомфортно разговаривать незнакомым голосом! Да и звуки внезапно усилились и обострились: кажется, я могла различить, как пыль падает на пол. – Отстань!

– Нельзя, – женщина снова толкнула меня. – У нас мало времени.

Что же это за гостя такая невоспитанная? Или Устой не изучала в Наставне? Может быть, это моя тётушка решила заглянуть к нам в гости? Но тогда меня разбудил бы Йозеф, а не она. Да и тётушка не дура поднимать себя с постели в такую рань, ещё и в выходной, и гнать на другую окраину Девятого Холма, чтобы потолкать меня в спину... Если только Сасси или Лекси не подхватили чего дурного.

Точно! Тётушка приехала потому, что одна из моих кузин захворала. И как я сразу не догадалась?

– Сегодня же воскресенье, – возмущённо выкрикнула я. Возглас получился визгливым и смешным. Значит, простуда спустилась к гортани. Как бы не пришлось завтра брать освобождение от работы. – Мне нужно сил набраться. Никто не уйдёт к Покровителям за пару часов.

– Да, сегодня воскресенье, – незнакомка с поразительной лёгкостью подхватила меня под мышки и посадила на кровати, поддерживая под спину. – Поэтому нам и пора подниматься, милая.

– Какая я тебе милая?! Что это ты со мной делаешь?! – выплюнула я, открывая глаза.

Ресницы коснулись лба, и вокруг растянулась монотонная пустота. Меня словно погрузили в болото с головой. Ни окна, ни бархатных штор, ни трюмо у двери: лишь тёмная жижа. Я тщетно хлопала веками, но видела лишь дрожащую сероватую пелену, что изредка перемежалась линиями бликов. Подняла руки к глазам, дабы убедиться, что они не завязаны. Ресницы кольнули кончики пальцев: так странно, так сильно. словно швейные иглы. Никогда не думала, что ресницы колются.

– Вставай скорее, Элси, – женщина скинула мои ноги с кровати. – Вот, умница.

– Элси?!

Скользнула ладонями по подбородку и шее. Сплошные жилы и торчащие кости. Грудь куда-то исчезла, как и корсет, который я забыла снять. Вместо него – просторная ночная рубашка из грубого материала, неприятно льнущая к телу.

Чьё это тело?! Я ли это?! Почему?!

– Мамаааааа! – меня охватила паника, прорываясь наружу криком. Как в детстве. – Мама! Мамочка! Да что же это?! Где я?! Мамаааааа!

Вот только мамы рядом не было. Как и веры в то, что этот кошмар не станет моей вечностью.

Глава 4

В чужом теле

– Мама! – упорно рвалось наружу. Горло обжигала ядовитая боль, по щекам катились слёзы. Солоноватый привкус скользил по губам и спускался в горло. – Мамааааа!

– Я здесь, милая, – незнакомка притянула меня к себе. Ладонь с загрубевшей кожей проползла по моему новому лицу, собирая слёзы. Странно, но облегчение снизошло сразу, словно меня обнимали руки родного человека. – Не бойся ничего. Я с тобой. Сейчас ты проснёшься окончательно, и всё пройдёт.

Страх промчался по нервам, заставив сначала окаменеть, а потом – задрожать. Треклятые Разрушители, что за фокусы?! Почему я – это не я? И где она, моя потерянная линия жизни? Неведомым образом я оказалась в теле незрячего подростка, да ещё и новая мать у меня объявилась?! Разве такое бывает?

Но куда сильнее страха донимали сомнения. Что делать? Как действовать? Сказать – не сказать? И что случится, если я не стану притворяться той, кем не являюсь?! Нужно подумать, хорошо подумать...

Прикусила губу, чтобы не выдать лишнего. Наверное, слишком сильно, потому что кожа отозвалась незнакомой

пульсирующей болью. Ойкнув, я прикрыла рот ладонью. Забавно: не могу видеть, но чувствую каждую складочку на новой коже.

– Что случилось? – выдохнула я в плечо новоиспечённой матушке.

Дыхание незнакомки тёплой волной ударило в лицо. Скользнуло по коже, очертило щёки и растаяло, перемешавшись с воздухом. Никогда раньше я не обращала внимания на такие мелочи. Новое восприятие мира через звуки и ощущения сводило с ума. Интересно, громко ли я буду кричать, если у меня заболит живот?

– Просто тебя лихорадит, Элси, – женщина коснулась шершавыми губами лба, а потом погладила по спине. – Почтенные Покровители, сначала – Лукас, а теперь и ты. Мы попробуем с этим справиться, когда он уйдёт.

– Кто уйдёт? – как же неудобно дышать ртом! Кажется, что захлёбываешься при каждом слове. – Лукас?

– Элси, – голос незнакомки стал строгим и серьёзным. – Не пугай меня, пожалуйста.

– Ты же сама это сказала. Что Лукас уйдёт...

Почтенные Покровители, что я несу?! Кто такой Лукас? Почему я вообще о нём заговорила? Лучше уж прикинуться больной и молчать. И держать ушки на макушке, дабы не пропустить важную информацию. Соберу по кирпичикам новое настоящее – решу, как быть дальше.

– Элси, ты точно в порядке? – женщина снова провела ла-

донью по моей щеке. Её грубая кожа едва не царапала мою.

– Никуда я сегодня не пойду! – раздался издалека обиженный мальчишеский голосок. – Снаружи уже светло, значит, он не заберёт меня! Тебе лишь бы выгнать меня отсюда, женщина!

– Лукас! – прикрикнула незнакомка. – А ну, готовься! Помоги сестре!

– Ну, вот, – недовольно буркнул Лукас. Приближающиеся шаги показались до раздражения громкими. Кажется, он хромает. – Опять эта лентяйка ничего не хочет. А мне из-за неё страдать.

Теперь уже две пары рук поднимали меня с постели. Покорившись, я встала, но едва разогнула ноги, жуткое головокружение чуть не уложило обратно. Если бы я могла видеть, у меня потемнело бы перед глазами.

– А теперь – готовьтесь, – приказала моя новая мамочка. – Он вот-вот появится!

– Давай, Элси, – Лукас помог мне опуститься на колени и сам встал рядом.

Ощупала пол. Какой же он холодный и липкий! Кажется, хорошо притоптанная земля. Такое я видела только в очень бедных домах. В старых прогнивших бараках за рыночной площадью, да на окраинах рабочего квартала. Вот, значит, куда меня занесло! Даже в непригодной для жилья хижине, что досталась мне в наследство от матушки, пол был дощатым.

Стоп! Почему я думаю, что мы вообще на Девятом Холме? Мы можем находиться где угодно: от старой земли до параллельной реальности, как в женских романах. Хоть Совет и не одобрял подобную литературу, мы с сестрицей в юные годы часто читали её из-под полы и менялись книгами с подругами по Наставне.

Чужие ладони легли на мои виски и осторожно потянули голову вниз. Судя по более грубой коже, принадлежали они Лукасу. Острый подбородок прижался к груди, а дыхание обожгло кожу. Теплота побежала по мышцам, разгоняя кровь.

Почтенные Покровители, как не обезуметь от этой сверхчувствительности! В детстве я опрокинула на ноги бадью с кипятком, и после этого недели две вздрагивала, когда протыня или поток воздуха касались изувеченных стоп. Шрамы от ожогов запечатали на моём теле вечную память о тех днях. Теперь же похожие ощущения волокли меня в прошлое против воли. Всё было так же, как и в те ужасные дни: разве что, без боли.

Были ли те дни вообще? Была ли боль, были ли шрамы? Непривычно и странно осознавать, что моё прошлое теперь существует в отрыве от меня. У этого слепого тельца, которое, кажется, состоит из одних костей – своё прошлое и своя история.

– Приготовились? – шепнула женщина, оборвав поток мыслей.

– К чему? – произнесла едва слышно, и тут же спрятала язык за зубами, едва не прикусив кончик. Я должна знать, что от меня хотят! Должна!

Страх поднялся по позвоночнику, на мгновение парализовав. Ещё одно лишнее слово, и я себя выдам! Но, к счастью, никто не отреагировал на мимолётную реплику. Лишь Лукас пригнул мою голову сильнее, да тишина задрожала от напряжённых вздохов.

– Стой так, – пояснил Лукас. – Если зашумит в ушах – прислонись ко мне. Но не вздумай падать. Иначе будет, как в прошлый раз.

– Поняла, Элси? – подхватила женщина. Судя по тому, что её голос приблизился и заставлял пространство странно вибрировать, теперь она стояла на коленях рядом со мной. – Ты ведь не хочешь, чтобы Лукасу было больно?

Мотнула головой, пытаясь привести в порядок мысли. Вопросы копились внутри, угрожая прорваться и выбрызнуться, как гной из назревшего нарыва. Почему мы должны стоять на коленях и таращиться в пол?! Почему Лукасу должно быть больно, если я упаду?! Почтенные Покровители, что за шантаж?! Заберите меня отсюда: хоть к себе, хоть туда, откуда я явилась! Пусть это всё прекратится! Пусть...

Интересно, властны ли Покровители над этим гиблым местом? Услышат ли они меня сейчас?

Приближающиеся шаги провали тишину пульсирующими толчками. Новоиспечённая мать быстро коснулась моей ру-

ки, словно подавая знак. Потом я услышала, как ключ проворачивается в замке. Один раз, другой, третий... Грубо лягнула щеколда, за ней – ещё одна. Что-то, зазвенев, стукнулось о дверь.

Мы заперты? Но почему?!

Скрип старых петель молнией пронёсся над головой, и по лодыжкам прокатилась холодная волна воздуха. Хлопок двери показался оглушительным. На миг моя голова опустела, отправив в никуда и нужные вопросы, и ненужные эмоции. А потом в опасной близости раздались шаги: тяжёлые и ритмичные. Кто-то деловито вышагивал перед нами. Судя по твёрдости шагов – мужчина, хорошо владеющий своим телом.

Зашуршала бумага, и что-то тяжёлое бухнулось на пол прямо передо мной. Воздух снова завибрировал, покачнув ткань моей сорочки. До чего отвратительно, когда грубый лён трётся о кожу!

– Мясо, – в уши штопором ввернулся незнакомый голос. Так оно и есть, мужчина. – Свежайшая говядина. Приготовишь своим, чтоб на малокровие больше не жаловались. Поняла?!

Отгремев, слова растаяли. Всё, что осталось – напряжённое сопение с обеих сторон. Моя новая мама. Лукас справа. И нарастающий шум, похожий на громыхание повозки, в голове.

– Поняла?! – повторил незнакомец громче. В голосе его послышалась угроза.

– Поняла, – ответила мать: твёрдо и бесстрашно. – Я приготовлю мясо для детей.

Шарканье туфель показалось зловещим. Устрашающее напряжение обручем сдавило грудь, на миг остановив сердце. Повозка в голове загрохотала громче, и я неловко пошатнулась. Но выстояла.

– Где твоя благодарность, женщина?! – раздалось ближе. Чужое дыхание, как пламя, опалило волосы у виска слева. – Сама же говорила, что для того, чтобы Покровители быстрее связались с Элси, ей нужно есть мясо!

Покровители должны со мной связаться? Этого ещё не хватало. Только неделю назад этот кошмар пережила.

– Благодарю вас, мой господин, – произнесла моя новая мать. С выдержкой, ровно и чётко. Кажется, моё состояние волновало её куда больше, чем странный тип. – Да. Ей нужно есть мясо и бывать на свежем воздухе.

– А вот этого – не жди, – отрезал мужчина. – Никто и никогда не увидит Элси, кроме... Кроме... Ты знаешь, кого. Слишком рискованно. Скажи спасибо хотя бы за то, что твой пройдоха-первенец иногда видит мир.

– Лукас не пройдоха...

– Не смей возражать, – рявкнул незнакомец, да так, что меня едва не опрокинуло звуковой волной. – Ты знаешь, на каких вы тут правах. И знаешь, что будет, если он вас выдаст. А ну, благодари!

– Благодарю вас, мой господин, – повторила мать, как за-

евшая патефонная пластинка. С той же ледяной интонацией и твёрдостью.

Похоже, у неё вместо нервов – металлические струны. Или шёлковые нити, о которые можно обрезать пальцы. Как же я завидовала её выдержке! Я бы давно отдала концы от страха, если бы со мной так разговаривали. Да о чём вообще говорить, если дрожу, как осиновый лист, лишь от того, что это чудовище в человеческом обликии ходит рядом!

– Благодарю вас, – передразнил Лукас недовольно. – Гааа-аспааааадин!

– Залечивай мальчишку, женщина, – продолжил незнакомец, как ни странно, проигнорировав вызов. – Мне нужна будет рабочая сила на сборе абрикосов. Всё поняла?

– Поняла, мой господин, – бесстрастно отозвалась мать.

Я едва не потеряла сознание. Сбор абрикосов? Я что, в рабовладельческое общество вернулась, где бесправные люди вкалывают на плантациях? И, если да, то почему этот изверг поминает Покровителей?

Мысли спутал нарастающий грохот в голове. Треклятые Разрушители, гадкая повозка, тут как тут. Мчится по каменной колее, выписывая восьмёрки разболтанными колёсами, подскакивает на выбоинах, трещит досками. Теперь даже не нужно было закрывать глаза, чтобы увидеть её в деталях. До щепки, торчащей из стыков, до вышитого узора на шапочке возницы...

Повозка неслась прямо на меня. На меня...

Голова закружилась, отправив рассудок дремать на за-
дворки. И ноги отказались меня держать... «Плохо дело», –
мелькнуло в голове вспышкой молнии, и тут же погасло. На
мысли просто-напросто не осталось сил.

Но прежде, чем я свалилась на Лукаса, потеряв опору,
влажный воздух снова защекотал голые стопы. Дверь нашего
убежища хлопнула во второй раз. За невидимой преградой
зазвенели ключи, залязгали засовы и крючки. Нашего мучи-
теля в комнате больше не было.

– Почтенные Покровители, – прокомментировал Лукас,
торопливо обхватывая моё тщедушное тельце. Казалось, что
его пальцы протыкают сорочку и проваливаются между рёб-
рами. – Вовремя. Вовремя!

– Выстояла! – выкрикнула я, собираясь в комочек.

И тут же провалилась в глубокое небытие.

Я пришла в себя от того, что шершавые пальцы новой ма-
тери мерно блуждали по моей голове. Путались в волосах,
поглаживали за ушами. Воздух вокруг казался спрессован-
ным и накалённым. Она приводила меня в чувство простей-
шим заклинанием. Вот только почувствовать запах её магии
я не могла, как и увидеть цвет.

«Залечи мальчишку!» – всплыл в памяти голос незнаком-
ца. Выходит, у моей новоиспечённой мамы – Поток света,
как и у меня! Вот ирония судьбы! Я приоткрыла веки и со-
щурила слепые глаза, довольная догадкой. Знать бы ещё, как

использовать новое знание. И как мне быть дальше.

Несомненно, прежде нужно будет опробовать новое тело. Интересно, какой Поток Покровители определили этой тщедушной слепой девчонке?

– Всё хорошо, Элси? – ударил в лицо голос матери. непривычно громкий и обеспокоенный. Шероховатые ладони скользнули по щекам и сошлись под подбородком. Руки её едва заметно подрагивали.

– Всё хорошо, – отчеканила в ответ.

– Это точно ты, Элси? – странный вопрос опрокинулся на меня, как чан ледяной воды.

– Это я, мама, – сдавленно проговорила я.

Почтенные Покровители! Может, стоило сказать правду? Если она спрашивает, значит, может быть в курсе того, что происходит!

– Плохие новости, Элси, – выдавила мать. Теперь в её голосе уже не слышалось железной выдержки, что меня так восхитила. Он дрожал и срывался. – Твоя сорочка – в крови. С тобой связались Покровители. А это значит, что нас разлучат сразу, как только Элсарио узнает об этом!

Я шумно проглотила воздух. Действительно, плохие новости. Но почему нас должны разлучить? Кровная связь – это ведь не заразные миазмы. Вопрос дрожал на языке: острый, как стрела, горько-солёный, как слёзы. И как хотелось плюнуть на предосторожность и открыто задать его! Только мой страх оказался сильнее здравого смысла. Всё, что я мог-

ла делать – слушать.

– Мы должны скрывать это от Элсарио как можно дольше, – произнесла мать полушёпотом.

Элсарио, значит? И кто только посмел опорочить Имя Верховного Покровителя людских судеб, назвав в Его честь это мерзкое чудовище?! Нарекать сыновей в честь Верховных Покровителей – непозволительно дурной тон! Поморщилась от негодования. Живот тут же скрутило спазмом, гораздо сильнее, чем обычно.

– Ты должна быть готова, – подытожила мать. – Сегодня или завтра твой дар откроется. И это уже точно. Помнишь, о чём мы договаривались?

Я едва не проглотила язык от изумления. Вот это номер! Почему это мой дар должен открыться только сейчас?! Не иначе, как в развитии отстаю. Малышки-стихийницы, прошедшие жалкие семь годовых циклов, во всю поджигают поля и гоняют голубей воздушными потоками. А мне, как минимум, двенадцать!

– Пожалуйста, расскажи ещё раз, – рискнула я спросить.

– Ты опрометчива, Элси, раз забываешь важные вещи, – в голосе матери слышались и отчаяние, и разочарование.

– Я просто хочу быть уверена, – нашлась я. – Мне страшно.

Тишину пробороздили шаги. Только на этот раз они были легки и походили на перешёптывание пожухлых листьев в четвёртом сезоне. Мать расхаживала туда-сюда перед жёст-

кой койкой, на которой я лежала. Ритм её шагов и дыхания выдавал сильную тревогу. Удивительно, как быстро я научилась различать эмоции людей вслепую, даже не чувствуя их запахов.

– Не вздумай использовать талисман Элсарио, – воздух качнулся перед моим лицом, приподняв волосы надо лбом. – И вообще о нём не думай. Если ты настроишься на него и прыгнешь в его тело, это будет конец. Он сразу прознает всё.

– Пры... – я проглотила звуки, срывающиеся с губ; твёрдые и ледяные, как градины.

Так вот, значит, как это называется. Прыгнуть. Безобидное и лёгкое слово, явно не описывающее весь спектр страданий и эмоций, что мне пришлось испытать за жалкую пару часов. Но теперь, по крайней мере, хоть что-то стало понятно. Виновата в произошедшем не я – виновата слепая девочка. Она просто прыгнула и волею судеб попала в моё брэнное тело. Лишь одна важная деталь мешала принять историю, как есть: ни у одной из женщин Сердца Земли никогда не было магии, позволяющей перемещаться в чужое тело. Об этом только в страшных сказках писали, да и то не так часто.

– Используй только те талисманы, которые приносит Лукас, – продолжала поучать меня мать. – Не так важно, в чьём теле ты окажешься. Важно, что далеко отсюда.

– Угу, – я кивнула, поморщившись от очередного спазма внизу живота.

Значит, у слепой девочки есть талисманы. Должно быть,

что-то вроде тотемов, которые иногда используют стихийницы и чернокнижницы для усиления. Нужно поискать их здесь. Но только когда перестанет донимать живот. Любая боль в этом теле кажется невыносимой.

– Ты испугаешься мира, Элси, – проговорила мать с печалью в голосе. – Обязательно испугаешься, ведь ты никогда не видела его и не чувствовала. Но пусть это не собьёт тебя с пути. Делай так, как мы договаривались. Зови на помощь, кричи, проси о спасении. Расскажи всем, кого встретишь, что Элсарио держит нас в погребе. Что у Элсарио – абрикосовые сады, повозки с лошадьми и дом за высоким забором. А, может, даже два дома. Расскажи всё, что знаешь о нём! Что Элсарио покупал сегодня говядину на рынке. Что он носит штаны из потёртой кожи. Расскажи, какой у него голос! Всё расскажи! Если тебя сочтут безумной – настаивай на своём! И так, пока не вернёшься обратно.

Ужас свернулся под ложечкой, как ядовитая змея. Выставил гремучий хвост, выплюнул раздвоенный язык – того и гляди, ужалит! Тошнота вкатилась в горло плотным комом, и я сглотнула, чтобы протолкнуть его обратно. Так вот, значит, чем сейчас занимается девочка в моём теле! Чувствую, что если повезёт вернуться назад, я встречу новый рассвет в изоляторе для безумцев. Или – в лучшем случае – привязанной к кровати. Если, конечно, Йозефу не придёт в голову более здравая идея: закопать меня заживо.

– И долго я буду в чужом теле? – только и получилось

выговорить.

– Ты пугаешь меня, Элси! – голос матери сорвался в крик. – Как можно так безответственно подходить к важному делу?! Мы ведь столько раз обсуждали это!

– Прости меня, – выдавила, прервав её пылкую речь. – Я спросила это потому, что мне интересно другое. Попав в моё тело, чужой человек тоже очень удивится. И начнёт вести себя странно. Это... это будет заметно.

– Будет, – я услышала, как что-то хрустнуло рядом.

– И Элсарио тоже заметит это!

– Да, – произнесла мать. – Я тоже этого очень боюсь. Это – наш второй путь к плохому исходу. Но если мы не рискнём сейчас, плохой исход наступит в любом случае. А так у нас хотя бы будет шанс.

Шанс. Четыре буквы – а сколько надежды. Но каким призрачным казалось это слово сейчас... Я сжала губы, пытаюсь не разреветься. Мне не было особого дела ни до слепой девочки, ни до её семейства. Я опасалась за себя. За своё настоящее тело и настоящую судьбу, которая и без того казалась несладкой.

Пространство каморки сжалось и стало душным и скользким от тепла растопленной печи. Вдалеке журчала вода и булькало масло. Уютно гроыхала металлическая посуда. Нож, коварно хихикая, скрёб по сковородке. Мать жарила мясо на ужин. И очень кстати: желудок настойчиво просил

нормальной пищи. Ведь съесть грубое травяное варево с распаренной крупой на обед я так и не смогла, несмотря на то, что мать, поминая Разрушителей, упорно его в меня пихала.

День прошёл монотонно и вяло. Я так и не смогла подняться с койки. Каждый раз, когда я вставала по нужде, голова кружилась так, что приходилось просить поддержки. А стоило провести пару минут сидя – воскресала зловещая повозка с разболтанными колёсами. И, разгоняясь, ехала на меня.

– Как ты себя чувствуешь? – Лукас осторожно присел на край койки и, приподняв мою голову, положил её себе на колени.

– Не так плохо, как ты думаешь, – решила я соврать.

– Брешешь, – фыркнул он. – Ты белая, как потолок! Может, воды тебе принести?

– Я с удовольствием поем мяса, когда оно будет готово.

– Почтенные Покровители, слава вам, – задорно пропел Лукас. – После того, как ты плевалась своей любимой чечевицей, я уже ни во что не верил.

– Боишься, что к Покровителям уйду? – сорвалось с моих губ.

Молчание повисло в воздухе. Масло на сковороде зашипело громче, словно ругая меня за греховные домыслы. Судя по тому, что Лукас не спешил отвечать, мои худшие догадки оказались близки к истине. Моё состояние слишком тяжёлое, и я могу уйти в любую минуту.

Интересно, если я и правда уйду к Покровителям этой ночью, кто останется в моём настоящем теле? Девочка Элси? Или я проснусь, как ни в чём не бывало, и пойду на работу, влившись в привычную рутину будней?

– Хочешь, сказку расскажу? – хрипло процедил Лукас, пытаясь залатать брешь тишины.

– Расскажи лучше про то, что снаружи, – попросила я, удобнее устраиваясь на его коленях. Каждое движение давалось невероятным трудом. Никогда в жизни я не была так разбита.

– Снова?! – с издёвкой хмыкнул Лукас. – Я ведь и так каждый день тебе рассказываю!

– Пожалуйста, – произнесла я ласково. Набрела на ощупь на его худосочную руку, погладила по плечу. Нечаянно пропустила между пальцами локон его волос. Длинные... – Я очень прошу тебя. Просто умоляю.

– Глупая женщина, – кажется, Лукас улыбнулся. – И что тебе это даст, Элси?

– Спокойствие, – нашлась я. – И веру. В то, что я всё сделаю правильно. Сегодня или завтра.

– Ты ещё во что-то веришь?

– В то, что всё будет хорошо, – я попыталась улыбнуться.

Не знаю, насколько фальшивой получилась моя улыбка. Под стать фразам и мыслям, должно быть. Ведь на самом деле я ни во что уже не верила. Даже в то, что этот кошмар скоро закончится, как обещала мать.

– Ладно, – Лукас бережно пригладил мои волосы. – Ладно...

Я наострила уши, стараясь не упускать деталей. Даже дышать старалась тише. Впрочем, это не было столь необходимо. Ни один звук не оставался незамеченным для моей новой ипостаси.

– Ты испугалась бы, попав наружу, – прошептал Лукас хрипло. – Хотя, нет... Ты не увидела бы эти громады с десятками глаз. Не почувствовала бы чужие запахи.

– Запахи?!

– Снаружи пахнет опасностью, Элси, – пояснил Лукас. – Знаешь, что такое запах? Это как вкус, он так же проходит через тебя. Только вкус остаётся внутри, а запах – летит дальше. Представь, что на твоём языке – кровь. Кровь и пыль. И немного жухлой травы. Так пахнет мир, что за стенами, Элси. Так пахнут люди с их помыслами.

– Неужели все без исключения?! – выдавила я с изумлением.

– Не все, – отрезал Лукас. – Но большинство.

– Почему тогда... – я задержала дыхание, пытаюсь сформулировать вопрос так, чтобы не выдать себя. – Почему же ты часто ходишь наружу?!

– Там есть многое, что может удивить. Например, небо. Оно похоже на шёлковое покрывало над головой. Каждый раз, когда дует ветер, оно складывается по-новому. А ночью на нём появляются блёстки.

– И как же оно не падает? – попыталась изобразить удивление.

– Наверное, его держат те, кого мама зовёт Покровителями, – суставы Лукаса громко хрустнули. Должно быть, откинулся назад или пожал плечами. – И они же зажигают ночью свечи.

– А они не устают? Это ведь тяжело, держать небо, не выпуская его ни на секунду.

– Не думаю, – выдохнул Лукас. – Они ведь могут всё. Всё, что захотят!

Некоторое время мы молчали. Лукас нежно перебирал мои волосы, а я пыталась склеить воедино полученную информацию. Нужно узнать, что это за место. Хотя бы приблизительно. Пока всё, что мне удалось соткать из обрывков, походило на расцвеченную сказку, порождённую детским воображением.

– Тогда почему Покровители ещё не освободили нас? – спросила неожиданно для самой себя. – Почему подвергают нас опасности? Заставляют рисковать?

– Нас не ждут снаружи, Элси, – Лукас горестно вздохнул. – Думаешь?

– Там уже есть и ты, и я, – я снова услышала, как Лукас улыбается. – И наша мама. Мы свободны там, и живём, как захотим. И мы счастливы там втроём.

– Глупости!

– Нет, не глупости, – Лукас хихикнул. – Есть вещи, кото-

рым не нужны доказательства.

Я едва сдержала ностальгическую улыбку. Вот они, яркие детские фантазии во всей красе. Защитная реакция на травму. Неудивительно: что он вообще видел, кроме этих стен? Хорошо, пусть воображает себе другую жизнь, за пределами этой комнатушки, если ему от этого легче. Мечтать – его неприкосновенное право.

Тёплые руки с мозолистыми пальцами вплетались в мои волосы, как гребень. И с каждой минутой проблемы уплывали всё дальше. Я даже позволила себе расслабиться, несмотря на отвратительное головокружение. Пожалуй, всё, чего мне не хватало раньше – близкий человек. Тот, кому я могла бы довериться и открыть самые потаённые уголки души. Родственная душа, готовая подхватить под руки, когда нет сил идти дальше. Девочка Элси, никогда не видевшая мира, оказалась куда богаче Сириллы Альтеррони.

– Элси, – выдал Лукас неожиданно. – Ты какая-то другая сегодня.

– Нет, – должно быть, я побледнела ещё сильнее. Щёки моментально похолодели, а на лбу выступил холодный пот. – Это всё недуг. Голова слишком сильно кружится.

– Справа или слева? – выстрелом ударило в переносье. – Отвечай.

– Что справа или слева?

– Справа или слева? – повторил Лукас более настойчиво.

– С-слева, – выдохнула я, едва не захлебнувшись словами.

– Ты прыгнула! – Лукас неожиданно вскочил, чуть не уронив меня. – Нет, не ты. Элси прыгнула!

– Я не прыгнула, Лукас! – тревога забила в груди, как подстреленный голубь.

Ещё немного, и меня прижмут к стенке! Нужно срочно выкручиваться, но как?! В голове мелькнули две мысли. Можно, конечно, сознаться во всём. Но не факт, что узнав о прыжке, Лукас и мать будут держать эмоции при себе. Судя по тому, какую реакцию демонстрирует Лукас, такого не будет точно. Крики привлекут внимание Элсарио, обязательно привлекут! И тогда нам несдобровать.

Можно продолжать притворяться той, кем я не являюсь. Тогда у нас появится маленький, но шанс. Шанс! Четыре буквы. И пронзительная надежда, которой можно упиваться до бесконечности – в каждой.

– Элсарио?! – выдавил Лукас с пренебрежением. – Это ты?! Признавайся!

Я едва не поперхнулась вязкой слюной. И – на всякий случай – отползла по койке подальше. Такого поворота событий я просчитать не сумела.

– Что там? – судя по приближающимся шагам, мать оставила сковородки и ринулась к нам.

– Она прыгнула, мам! – испуганно прокричал Лукас. – Это не Элси! Это кто-то другой, кто слишком хорошо ею притворяется!

– Элсарио?! – испуганный голос матери вспорхнул под по-

толок, как бабочка.

– Я Элси! – выкрикнула, что есть мочи, и с неожиданной резвостью подскочила на койке. – Элси!

Я спустила ноги на пол и, не сумев устоять, бухнулась на четвереньки. Локти и колени заныли, встретив землю, бёдра прострелила боль. Слабость впечатала меня в холодный пол, не давая подняться.

– Признавайся, Элсарио, – строгий голос матери пронёсся надо мной. – Ты специально это подстроил?!

– Я не Элсарио! – завопила я. Горло загорелось огнём, и крик перешёл в сиплый кашель. Задохнувшись, я сжалась в комочек.

– Свежо придание, – отозвалась мать, с трудом возвращая меня на койку. – Кто ещё стал бы притворяться моей дочерью?! Да только ты на такое способен! Чтобы я ничего не подозревала, и ты мог разлучить нас жестоко и неожиданно!

Паника раздвинула рёбра, поднялась по шее и пошла горлом. Кое-как преодолев натиск спазмов, я сделала вдох и закашлялась снова. Нет уж, хватит с меня опасных приключений! Пришла пора признаваться. Только как сделать это, если я чувствую себя червяком, извивающимся в рыбацкой снасти?! Если тело содрогается от кашля, а для того, чтобы дышать, приходится прикладывать невероятную силу?!

– Я знаю, что ты давно договорился с покупателем, – процедила мать сквозь зубы. Выдержка снова вернулась к ней, сделав голос твёрдым. Слова отскакивали от стен ледяными

глыбами, падали на голову, как камни. И каждое ранило. – И знаешь что, Элсарио? Я не отдам тебе Элси. Лягу поперёк дороги, умру сама, но не отдам! Слышишь меня?!

Я сложилась клубочком, пытаюсь остановить кашель, но это не помогало. Толчки рвались наружу, стискивая грудь и выдавливая из неё последнее. Воздуха катастрофически не хватало. Подступало забытие: густое, как болотная вода, и такое же тухловатое. Отвернулась к стенке, пытаюсь спастись от натиска небытия. Ткань сорочки, успевшая пропитаться густой и тёплой кровью, неприятно хлестнула по бедру.

– Я слишком дорого заплатила за Элси, – донеслось до меня сквозь ватную пелену. – И ты не отберёшь её у меня.

Последнее, что я услышала прежде, чем обморок утопил меня в своих чёрных водах, были шаги. Знакомая твёрдая поступь, отрезанная от нашего маленького мира деревянной дверью и чередой засовов и замков.

Шаги приближались.

Глава 5

Неконтролируемое безумие

Не знаю, сколько продолжалась темнота, но она была мучительной. То топила в потоке чёрных вод, не давая вдохнуть, то гнала по гулким коридорам. А иногда – толкала вниз с невидимого выступа, обрекая на бесконечное падение. Слишком густая, чтобы хранить образы, и слишком плотная, чтобы позволять собою дышать.

Когда забвение рассеивалось, и тьма давала брешь, мне мерещилось, что меня куда-то волокут, как мешок с картофелем или мукой. А потом мрак наваливался опять, стирая обрывки чувств и ощущений. И я снова летела, тонула, падала, гонимая им.

Первое, что я ощутила, проснувшись – запах гари. Не веря себе, втянула его глубже сквозь заваленный нос. Так и есть, он родимый! Самый сладкий аромат в Сердце Земли, этим утром – так точно. А это значит, что...

Словно опасаясь подвоха, я разлепила сначала один глаз, а потом – другой. Над головой, в облаке мутноватого света, кружились пылинки. Выше висел родной потолок. Знакомая змеистая трещина скалила зубы в побелке между расходящимися балками. Как же я любила её в этот момент!

– Почтенные Покровители, – хрипло хихикнула я. – Ска-

жите мне, воскресенье сегодня или понедельник?!

Сомнений не оставалось: голос мой. Кровать, в которой я лежала, тоже оказалась моей. Пошевелила руками, дабы убедиться, что они не привязаны, потом – согнула ноги в коленях, подбросив одеяло. Покрутила стопой, не веря своим глазам и везению. Мой дом. Моё тело. И я. Свободная!

Солнечный луч, прорвавшийся сквозь тюль, нахально прыгнул на ресницы и прострелил глаз. Сомнения тут же атаковали голову, потопив радость. Неспроста всё так легко, неспроста. Тут таится подвох. Неужели Йозеф поверил девочке, что провела целые сутки в моём теле?

А, может, это всё приснилось мне, и не было никакой девочки? И сегодня – воскресенье? И впереди – день большой стирки, метлы и неухоженных грядок? Я готова была в это поверить. Лишь бы не возвращаться в холодный подвал, в чужое тело!

Села на кровати, и косточки корсета больно врезались в кожу. Затёкшая спина отозвалась ноющей болью. Я опять не разделась! Пора завязывать с этим. Нужно больше времени уделять себе, своему здоровью и...

– Проснулась? – знакомый голос расколотил остатки сна вдребезги.

Я лениво повернула голову. Шея хрустнула, и по плечу пробежала боль. Йозеф полулежал в кресле у гардеробной и тарасился на меня застанными глазами. Судя по паре подушек, торчащих из-за его спины, ночевал он тоже здесь. Нерв-

но усмехнулась: вот где он – подвох! Вот уже добрую половину годового цикла мы с Йозефом жили в разных комнатах. Значит, девочка натворила-таки дел.

– Как ты чувствуешь себя? – участливо пробормотал муж.

– Почему ты вдруг решил этим поинтересоваться? – съязвила я. Слишком уж приторным казалось это показное участие – аж затошнило! – Совесть проснулась? Или я совсем расклеилась, и теперь боишься, что потеряешь бесплатную прислугу?!

В меня полетела подушка. А следом за ней – и другая. Два мягких снаряда. Раздражённо отправила их обратно. Оба раза – мимо.

– Тебя лихорадило вчера, – Йозеф зевнул, и, подобрав подушку, снова запустил ею в меня. – Да так сильно, что ты бредила. За ночь жар спал, но не факт, что тебе снова не станет плохо.

Сердце пропустило удар. Всё, как я и думала. Одно радовало: лихорадка-то пришла вовремя! Теперь странное поведение вполне можно списать на бред. Оставалось только надеяться, что девочка не слишком сильно подмочила мою репутацию и не наговорила лишнего.

– Бредила?! – попыталась изобразить изумление. – Ты о чём?

– Ты говорила о Покровителе людских судеб Элсарио, – сказал Йозеф, и последняя надежда на то, что девочка мне приснилась, рухнула. – О его грушевых садах. И о том, что

он держит в погребке узников.

– Абрикосовых садах, – поправила я и чуть не прикусила губу. Ни к чему наводить Йозефа на лишние вопросы: он и так многое пережил этой ночью. Теперь я должна приучать себя обдумывать каждое слово!

– Ты помнишь?

– Ну, немного, – интересно, какой ответ он хочет услышать? – А что я ещё говорила?

– Кричала, что мир странный, – приподнявшись с кресла, Йозеф дотянулся до моего лица и пощупал лоб. От его прикосновений передёрнуло. – Что он душит тебя. И повторяла своё имя.

– Моё имя?!

– Ну да, – Йозеф пожал плечами. – Сирилла Альтеррони.

Я едва не проглотила язык от изумления. Откуда бы девочке Элси знать моё имя?! Хотя... Она вполне могла прочитать надпись на рабочем блокноте.

Дыхание остановилось, и воздух встал в горле комом. Сердце зашло в бешеной пляске: маленькая тёплая птица в клетке из рёбер. Девочка, которая всю жизнь была слепой, вдруг начала читать?! Бред!

Значит, Элси искала именно меня, чтобы прыгнуть?! Но почему?

Вопросов оказалось слишком много. Времени размышлять – не было вовсе. Ответов, впрочем, не было тоже. Ни одного.

– Точно? – с недоверием посмотрела на мужа.

Йозеф отвёл глаза и, наконец, оторвался от кресла. Обошёл кровать, держа меня под прицелом настороженного взгляда, и облокотился на подоконник. Грузная фигура за-слонила свет.

– Сирилла, – сказал он. – Мне кажется, тебе нужно вы-звать жрицу. Тебе не место в амбулатории сегодня.

– Я сама себе жрица! – всплеснула руками, протестуя. – Сейчас я призову Поток, и стану как новенькая.

– Тебе нужно взять освобождение от работы, – пояснил Йозеф. – Хотя бы на пару дней. Я слишком испугался, глядя на тебя.

Странное чувство заполнило грудь и потянулось щупаль-цами к горлу. Обида, вперемешку с задавленной яростью. И сожаление. Горькое сожаление о двенадцати годовых цик-лах, потраченных на этого человека. Я отвернулась, стара-юсь не встречаться взглядом с Йозефом. Всё, чего я хотела – чтобы он не заставлял наши отношения агонизировать бес-конечно.

– А ты не боишься гнать меня на кухню, когда я прихожу, едва держась на ногах?! – вырвалось из горла. – Нет?!

– Это – другое дело. Это твоя обязанность.

– Вот и не строй из себя заботливого мужа! – я перешла на крик.

Горло отчаянно саднило, и я то и дело сглатывала, сбива-ясь. Вкус обиды дрожал на языке солоноватой горечью. А,

может, это были слёзы.

– Сирилла, у тебя никогда раньше такого не было, – Йозеф снова попытался возразить.

Я лишь демонстративно вздёрнула подбородок, не желая слушать мужа. Он давно раздавил то, что осталось от моей любви, своим неучастием. И дурак бы понял: бесполезно воскрешать былые чувства. Тот максимум, что мы могли дать друг другу после всего пережитого – уважение. Но здесь подстерегала ещё одна проблема: Йозеф не понимал, что это такое. Совсем не понимал...

Бросила взгляд на часы. Семь утра. Ещё успею привести себя в порядок. Преодолевая боль в мышцах, я скинула ноги с кровати. Пальцы тут же подцепили толстую верёвочку, валяющуюся на полу.

– Это ещё что, – выкрикнула я, вытаскивая находку на свет.

Странная вещь обвилась вокруг запястья, как змея, и стянула кожу. Шёлковый тросик с нанизанными деревянными рунами, зубчиками чеснока и сушёными семенами походил на шаманские бусы. Или на чётки, с которыми воздают славу Покровителям храмовницы. Только слишком уж они оказались длинными – обернулись вокруг кровати двумя кругами. Шедевр чьего-то рукоделия отменно нёс смесь пряностей и сандалом. Я втянула адское амбре и едва удержалась, чтобы не чихнуть.

– Это я вчера попросил в Храме Вершителёв, – буркнул

Йозеф. – Боялся, что твою душу прибрали Разрушители.

– Разрушители? – я едко хихикнула. – Что за бред?!

– Знала бы ты, как я вчера перепугался, не говорила бы так!

Отшвырнув мудрёный реквизит, я метнулась к трюмо. Но не успела я разглядеть в зеркале своё отражение, как руки Йозефа поймали меня на бегу.

– Нет, Сирилла, – его пальцы сжали плечи и впились в кожу, как пыточные щипцы. – Ты никуда не пойдёшь!

Неужели он собрался удержать меня силой? Давненько отношения с Йозефом не приносили мне сюрпризов и неожиданностей. Нет, он поднимал на меня руку, и не раз. Но моя работа негласно считалась моим личным делом, вмешиваться в которое он не имел ни права, ни компетенции.

– Я сама решаю, куда мне ходить, а куда – нет! – я развернулась, вырываясь. Жгучая боль поползла по коже. Ну вот, теперь останутся синяки.

– Я думал, что вчера ты обезумела, а сегодня ты, как ни в чём не бывало, вскакиваешь и бежишь к своим занемогшим?! – Йозеф выкинул руки вперёд и в ярости сжал мои плечи. Светло-рыжий квадрат окна, прошитый кружевом теней, задрожал перед глазами, когда он начал меня трясти. Чувствовала себя тряпичной куклой. – Ты только и делаешь, что работаешь! Работаешь-работаешь-работаешь! Нормальные женщины отдают себя семье, а не чужим людям!

– Конечно, – я собралась с духом и оттолкнула Йозефа.

От неожиданности он попятился назад, потерял равновесие и налетел спиной на тумбочку. Ваза розового стекла зашаталась и упала к его ногам. Громко звякнула, будто ругнувшись, но не разбилась. – А нормальные мужья – добывают хлеб!

Не дожидаясь, пока Йозеф опомнится, я обогнула кровать и вылетела к гардеробной. Нырнула в пропахшее лавандой пространство, унылое и монотонно-жёлтое от моих повседневных нарядов, и прихватила первое попавшееся платье. Пожалуй, слишком лёгкое для установившейся погоды, но сейчас выбирать не приходилось.

Приближающиеся шаги, скрипящие по половицам, звучали, как реквием.

– Не поняла ещё? – Йозеф рывком метнулся к двери. – Сегодня ты остаёшься здесь!

– Это ты ничего не понял, – я изо всех сил старалась держать себя в руках, но получалось плохо. – Только я решаю, куда мне идти.

– Сирилла, – кажется, Йозеф пытался вернуться к конструктивному диалогу. Он вцепился в платье, что я держала в руках, как в мамину юбку. – Вернись в постель. Я позову жрицу.

– Мне не нужна жрица, – выдохнула я ему в лицо.

Взгляд врезался в переносье Йозефа, и в голове весьма некстати всплыла наша первая встреча. Это случилось на концерте струнной музыки в Храме Вершителей. «Вы похо-

жи на солнце», – повторял Йозеф, поймав меня в дверях. Тогда он ещё не знал, как я ненавижу жёлтый цвет...

– Давай я провожу тебя, – неожиданно потеряв прыть, Йозеф запинаясь на каждом слоге. – Я правда ведь... Правда за тебя опасаюсь, хоть ты мне и не веришь.

– Если опасаешься за меня, Йозеф, – я осторожно вытащила тонкий шёлк из хватки его кулаков, – приезжай за мной после приёма на повозке. Покатаешь меня по адресам. Глядишь, и туфли поношу подольше. Я буду тебе очень благодарна.

Ох, зря я это сказала. Когда бой идёт не на жизнь, а на смерть, лучше не затрагивать спорных тем. На всякий случай я попятилась к двери. И правильно сделала.

– Сколько раз говорить тебе, – глаза мужа снова налились кровью. – Мои меринки созданы только для спортивной езды! Они все копыта собьют на этих ухабах!

Знакомое чувство обиды снова царапнуло сердце. А потом – стиснуло грудь и пробежало по нервам мощным импульсом. Сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Горькая правда плавала на самой поверхности. Его раскаяние – лишь пустой звук. Йозеф любовался своим солнцем, но не считал зазорным и выстрелить в него. Он никогда не изменился бы ради меня.

Но ведь и я тоже не обязана меняться ему в угоду! Где оно, моё святое право быть собой? И почему я похоронила его за самопожертвованием? Если бы со мной была Сиил, я

никогда не разрешила бы топтать себя. Я знала бы себе цену. Сиил была моей стеной...

Но Сиил не было. И больше не будет.

– Всё ясно, – я выскользнула за дверь. – Не говори после этого, что заботишься обо мне.

– Сирилла!

Я прошмыгнула в уборную и щёлкнула щеколдой. Включила воду, заглушив ворчание мужа. Времени нагреть чан не оставалось – пришлось мыться ледяной. Обтеревшись, кое-как втиснулась в шёлковое платье цыплячьего цвета, которое не надевала с позапрошлого третьего сезона. Стянула волосы в пучок на затылке, выпустив пару прядей, и оценила своё отражение в зеркале. Для высокого звания жрицы, пожалуй, неопрятно. Для слепой девочки Элси – замечательно. Впрочем, теперь я радовалась любому отражению. Главное, что оно было моим.

Когда я шла через гостиную, покидая дом, Йозеф, как и обычно, полулежал в раскладном кресле у камина. Он даже не обернулся мне вслед. Впрочем, я тоже не нашла для него нужного взгляда. Мы всё сказали друг другу раньше.

Молочная теплота утра легла на плечи, едва я вышла за калитку. Природа провожала затянувшийся дождь. Ветерок скакал по деревьям, нашёптывая листьям песни о дальних краях. Луи и ручейки вдоль бордюров ловили солнце и кидали его осколки в глаза прохожих. И, хотя воздух ещё хра-

нил аромат мокрой пыли и влажной листвы, чистое небо обещало долгожданный погожий день.

Улицы наполнялись суетой, гомоном голосов и цоканьем лошадиных копыт. Скрипели колёса повозок, шуршали утренние газеты и складки платьев. Постукивали калитки и скрежетали замки, провожая хозяев на работу. Мелодия типичного утра на Девятом Холме. Такая родная, что не хочется выбрасывать её из памяти.

Несмотря на то, что время поджимало, я выскочила из повозки на две остановки раньше, точно около рынка. Решила пройтись пешком, обдумать произошедшее и насладиться прекрасным понедельником. А заодно – привести мысли в порядок и расставить факты по полочкам. Вряд ли я смогу нормально работать, мусоля в голове мысль о слепой девочке в сыром подвале. И о том, что сегодняшняя ночь может снова сбросить меня в чужое тело.

Я и не заметила, как ноги, отклонившись от заданного курса, утащили меня за рыночные ворота. Даже в ранний час в торговых рядах царило оживление. Гомон голосов перемежался стуком топора и шелестом тканей. Ветерок пах маком и ванилью: булочницы усердно месили тесто и растапливали печи, чтобы закинуть туда первую сдобу. Торговцы выкладывали на прилавки спелые яблоки, груши и абрикосы.

– Моё почтение, госпожа Альтеррони, – улыбнулась из толпы женщина с корзиной. Её лицо показалось мне знакомым, но имени вспомнить я так и не сумела. – Разве вы не

на приёме сейчас?

– Моё почтение, – ответила на автомате. Стремление пациентов обо всём прознать, не упустив ни детали, всегда раздражало. Ведь, разузнав что-то интересное, непременно переиначат на свой лад. А потом – расскажут другим. – У меня специальное задание.

Кивнув, знакомая незнакомка ретировалась. Пронеслась мимо прилавков с кухонной утварью, махнув синим подолом, и прошмыгнула в проулок, где торговали бумагой и перьевыми ручками. Я лишь проводила женщину взглядом. Рассказывать ей, почему мне захотелось проветрить голову перед работой, у меня не было ни малейшего желания. К тому же, я и сама не находила этому логичной причины. И это пугало и настораживало.

Я обогнула бытовые ряды и вышла во фруктовый павильон, крытый тканевыми навесами. Неизвестно зачем купила пять мытых абрикосов в бумажном кульке. Закинула один в рот. Сочная мякоть рассыпалась на языке, обнажая косточку. Сладкий сок окропил горло. Есть не хотелось совершенно.

Я пронеслась под навесами, едва не заплутав в лабиринте рядов. Оказавшись, наконец, под открытым небом, упёрлась в линию складов. Замшелые стены с изъеденными временем камнями тянулись, как барьер, до самых чёрных ворот. Ноги вынесли меня на захламлённую тропку, извиивающуюся вдоль стены. Обогнув склады, я весьма удачно упёр-

лась в лавку мясника.

Запах свежего мяса в лавке, как ни странно, не вызывал отвращения. Мясник Донат с упоением раскладывал на прилавке вырезку. Тёмные треугольники парной говядины, нежная свиная мякоть, потроха... Кусочки на продажу выглядели так аппетитно, что их хотелось съесть сырыми! Заставить человека хотеть сырого мяса – настоящий дар. Понятно, почему другие мясные точки свернулись, не выдержав конкуренции.

– Свининки захотели, жирица Альтеррони? – выкрикнул Донат, заметив меня в дверях. – Подходите! Самую свежую завешу. А, может, говядины? Только ночью забили.

«Расскажи всем, что он покупал сегодня говядину на рынке!» – воскрес в голове обеспокоенный голос. Я сглотнула и помотала головой, прогоняя воспоминание. Что подумает обо мне мясник, если я пристану к нему со своими тараканами? Да и как я скажу ему? «У вас вчера покупал говядину изверг-извращенец, который держит у себя в погребе женщину и двух детей-подростков»?! После такой тирады от изолятора для безумцев меня уже ничто не спасёт.

Но желание докопаться до истины выматывало куда сильнее беспокойства о добром имени. Даже страх перед изолятором казался ничтожным в сравнении с ним. Может быть, всего один вопрос сможет дать подсказку и спасти меня!

Шальная мысль не давала покоя и крутилась в голове, как муха над куском мяса. Разгадка лежала слишком близко. Так

близко, что грех не протянуть руку и не взять! Помявшись и посомневавшись, я решила уступить опасному желанию.

Одёрнула юбку, натянула дежурную улыбку и двинулась к прилавку, сочиняя на ходу новую ложь. Когда не знаешь, с чего начать, начни с приветствия! Пожалуй, надо попробовать.

– Моё почтение, – поздоровалась я.

– Так что вам взвесить? – Донат подкинул в воздух свиной уголок и тут же его поймал. Сочная мякоть упала на прилавок. – Свинина, говядина, баранина?

– Как ваши суставы, господин? – решила начать издали.

– Вытяжка из хрящей телят творит чудеса, – похвастался Донат. – Я благодарен вам, госпожа Альтеррони. Ещё немного подлатаю суставы и смогу самолично ездить за товаром на Седьмой Холм.

– Чудесная новость, – я сняла с лица улыбку и попыталась изобразить беспокойство. – Но, к сожалению, я к вам не с такими хорошими вестями.

– В чём дело? – брови Доната поползли вверх. – Неужели состав моей крови...

– Нет-нет, – Почтенные Покровители, как же тяжело врать! – Ваше здоровье потерпит. Но у вас могут быть проблемы.

Судя по складкам, моментально нарисовавшимся на переносе мясника, он явно не пришёл в восторг от нашего разговора.

– Какие проблемы? – выдавил он сквозь зубы.

Комок подкатил к горлу. Вот уж накликала я проблем на свою голову! Захотелось ретироваться, да поздно. Теперь путь один – продолжать врать, и желательно – поубедительнее.

– Вчера был зафиксирован случай заражения миазмами, – я старалась тщательно продумывать каждое слово. – Полагают, что заражение произошло через говяжью вырезку...

Договорив, я едва удержалась от истерического хохота. Ситуация складывалась нелепее некуда. Почтенные Покровители, актриса бы из меня не получилась точно! Что за чушь я несу!

– Да? – заплывшее лицо Доната приобрело багровый отлив. – И что же за миазмы?

– Они вызывают неукротимую рвоту, профузный понос и обезвоживание, опасное для жизни, – я попыталась придать лицу обеспокоенное выражение.

– Моё мясо чисто, – выдавил Донат в ответ, принимаясь демонстративно убирать говядину с прилавка.

Чудесно. Сбила человеку торговлю. А вдобавок, кажется, нажила себе врага.

– Я не предъявляю к вам претензий, поймите, – почувствовала, как краснота наползает на щёки. – Но я должна знать, кто покупал вчера говядину. Чтобы предупредить возможные последствия.

– Не будет никаких последствий! – рявкнул Донат. – Зуб

даю! Моя продукция – с лучших ферм Седьмого Холма. Она чиста.

– Я просто прошу вас ответить на вопрос, потому что, – замялась на мгновение, выдавливая из себя вымысел. – Потому что мне велело начальство. Получу по голове, если не предоставлю сведения. Поймите и меня тоже.

– Ну, ладно, – сбросив кусок говядины в металлический чан, Донат упал на стул. Дерево опасно захрустело, приняв его вес. – Надеюсь, что это не информация для конкурентов.

– Какая конкуренция?! Вы что!

– Колбасница Дрон брала четверть туши. Потом приезжал повар из гостиницы, взял и говядины, и баранины для постояльцев. Сарина – экономка Бессамори – нагряднула около десяти утра. И Эринберг. Самолично.

– Эринберг? – поинтересовалась я. – Тот самый, из элитного квартала? Тот, что держит одёжную лавку?

– Да, – Донат кивнул. – Я ещё удивился, что он явился за мясом сам. Обычно приезжает его эконом, это синекожее крылатое отродье.

У меня не было никаких оснований подозревать Эринберга во всех пригрешениях, но предположение вполне могло оказаться правдивым. Мрачный и спокойный лавочник был холост и вёл отшельническое существование в доме за высоким забором, на самом краю элитного квартала. Казалось, что мирская суэта утомляет его, и он всячески стремится от неё оградиться. Если в подвале Эринберга обнаружатся уз-

ники, Девятый Холм ещё долго не уснёт.

– А кто ещё брал говядину? – спросила на всякий случай.

– Так, по мелочам, – Донат пожал плечом и едва не сбил жёлтую медовую липучку для мух, что барахталась над его головой, как толстая макаронина. – Бабки косточки брали на суп и своим собакам. Как и обычно.

Я медленно отступила к двери. Всё, что я хотела, я уже услышала. Продолжать диалог не оставалось ни малейшего желания.

– Благодарю за ценную информацию, – мне не верилось, что всё прошло так гладко.

– Будьте любезны, жрица Альтеррони, – отойдя от ярости, Донат снова поменялся в лице. – Сообщите мне, было ли это связано с говядиной.

– Что было связано? – выскочило из моего рта.

Донат неоднозначно повёл глазами. А я – торопливо прикрыла лицо ладонью. Вот глупая! Теперь оставалось только надеяться, что Донат не придаст случайной реплике значения. И не подумает про несуществующих конкурентов. Получить с его увесистой ноги под зад мне совершенно не хотелось.

– Миазмы, – пояснил Донат, почесав поросшую щетиной щёку. – Вы же собрались искать заражённых.

– Да-да, – опомнилась я, вспоминая легенду, которую пять минут назад придумала сама. – Конечно, сообщу. Да помогут вам Покровители!

– Вам бы они помогли, – с сарказмом прокомментировал Донат.

Я вылетела за дверь и с наслаждением вдохнула воздух, пахнувший лесом. Задрала голову в небо, и верхушки сосен, торчащие из-за каменной ограды, закивали мне. Покровители сами привели меня сюда, чтобы развеять мои сомнения и страхи, и я оправдала их ожидания. Теперь нужно брать ноги в руки и бежать в амбулаторию: приём вот уже минут десять, как идёт. И хорошо, если Шири сообразил начать с перевязок и промывания ран.

Избавившись от наваждения, что вытолкнуло меня из повозки на две остановки раньше, я подобрала юбку и помчалась к рыночным воротам. Обернувшись напоследок, я заметила, что Донат, как ни в чём не бывало, выкладывает говядину на прилавок.

Глава 6

Бочка дёгтя

В первый день недели амбулатория оживала. Просыпалась от спячки, как медведь, и начинала негодовать вместе с работниками. Окна, такие широкие и светлые в конце рабочей недели, по понедельникам превращались в зашторенные заspanные глаза. И даже холл у парадного входа сжимался и становился тесным и душным. Занемогшие занимали кресла, толпились у дверей, обнимались с колоннами, ожидая своей очереди на приём. Пропахшие плесенью коридоры наполнялись гомоном голосов, топотом ног, хлопаньем дверей и сиплым кашлем. Я одинаково сильно ненавидела эту суету и не могла без неё жить. За годы работы она влилась в мою кровь и проросла тело, как сорная трава – землю.

И на этот раз всё было, как обычно. Едва я зашла за парадные двери, передо мной предстал знакомый мир. Распахнул объятия, пропахшие сыростью и чужим дыханием, и вобрал в самое пекло. Маленький кусочек жизни остался неизменным. И это было мне необходимо.

Я ворвалась на полном ходу в холл. Голоса занемогших вокруг сплелись в многозвучную какофонию и вскружили голову. Сквозь стену звуков уверенно прорывался разговор двух дам почтенного возраста. Судя по громкости голосов,

обе были не просто глуховаты, а тугоухи.

– Да что этот настой?! – кряхтела одна. – Моя мать боль-травой крыс да собак бродячих травила. А ты внутрь его хочешь?

– Так мне жрица назначила, – оправдывалась другая. – Говорит, боль-трава останавливает чёрный недуг.

– Чёрный перец, чёрный перец! Послушай меня, – перебила первая. – Вот хороший метод очищения. Нужно вымочить суровую ткань дождевой водой в полнолуние. Потом – раздеться, обмазаться мёдом с ног до головы, обмотаться ею. И пустить снаружи горячий воздушный поток...

– Кошачий вонючий лоток? – фыркнула собеседница. – Да я уж лучше боль-траву...

Я пронеслась мимо, едва не сбив с ног разукрашенную даму в светло-зелёном платье. Пролепетав на ходу извинения, метнулась в коридор, и ощутила, как в поясницу впился разгневанный взгляд. Толпа занемогших встретила меня хором раздосадованно-возмущённых вздохов. Судя по всему, я потеряла чувство времени и задержалась куда дольше, чем казалось.

– Госпожа Альтеррони! – кричал кто-то из самой гущи столпотворения. – Мне только спросить!

– Вот обнаглели, – раздалось из другого угла. – Им ещё и деньги платят за то, что опаздывают!

Игнорируя возмущённые реплики и воззвания к совести, я прорвалась сквозь скопище народу и ввалилась в кабинет.

Захлопнула дверь и налегла на неё всем телом, словно это могло защитить меня от чужого негодования. В лицо ударили горячие лучи, просочившиеся сквозь стекло окна.

Я вытолкнула из груди спрессованный воздух. Теперь главное – не забыть то, что сказал Донат. А если не хочешь, чтобы память подвела, лучше записать. Потянула сумку за ремень и вытащила наружу рабочий блокнот и карандаш.

– Вы долго сегодня, – произнёс Шири вместо приветствия.

Я подняла озадаченный взгляд на помощника. Как я и предполагала, Шири уже начал перевязки. Он вывалил на кушетку тюк с бинтами, обезболивающими настойками и мазями. В кресле у его стола тянула ошпаренную ногу юная занемогшая. Кокетливо приподняв подол, девушка весьма прямолинейно строила Шири глазки. А он – весьма забавно не реагировал на попытки растопить его сердце.

– Проспала, – соврала я, машинально кусая карандаш. – Что нового?

– Стоун заходила, – Шири подмигнул мне, и юная пациентка, ждущая перевязки, тут же состроила недовольную гримасу. – Просила вас.

– Стоун?!

Сердце камнем ушло в пятки. Окно, обрамлённое кружевными шторками, задрожало перед глазами, опасно покачнулась, но выстояло. Если госпожа Стоун вызывает к себе, значит дело плохо. Очень плохо. И, что самое ужасное, каких

жутких догадок ни строй, всё непременно окажется ещё хуже. Я называла это правилом Стоун. Негласное правило, влияющее на действия в простой арифметике Сириллы Альтеррони. Тщетно попыталась вспомнить провинность, за которую меня можно было наказать, но ничего не шло в голову. Разве что, сегодняшнее опоздание. Но Стоун сама опаздывает, и ловить соринки в чужих глазах с её стороны было бы глупо.

– Увы, не могу обрадовать вас, госпожа Альтеррони, – крылышки Шири поднялись и развернулись. – Мне так хочется признаться, что я пошутил, но жизнь – тяжёлая штука.

– Я поняла, Шири!

Вместо того чтобы стремглав побежать в кабинет руководительницы, я ринулась к своему столу. Кинула сумку в шкаф, набросила на плечи белую накидку униформы и, усевшись в своё кресло, открыла блокнот. Карандаш дрожал в руке, выписывая в воздухе нелепые загогулины. Щёки полыхали огнём. В голове крутилось одно: записать! А потом можно и отправиться на экзекуцию.

– Можно? – дверь кабинета скрипнула, и в проёме показалась голова в голубой косынке.

– Подождите! – оборвала я.

Женщина, изобразив недовольную гримасу, исчезла за дверью. Через секунду из коридора донеслись приглушённые возмущения. Чувство невыполненного долга стиснуло сердце, заставив его на мгновение остановиться. А ведь мне

ещё и к Стоун тащиться!

Но прежде, чем портить себе жизнь, нужно зафиксировать отправные точки. В голове, цепляясь друг за друга, вертелись четыре слова. Бессамори. Эринберг. Колбасница. Гостиница. Всю дорогу до амбулатории я повторяла их про себя в разном порядке, строя мыслимые и немыслимые ассоциации, но одно из них непременно забывалось.

Послюнявила пальцы, словив на себе брезгливый взгляд обожжённой крали. Обложка блокнота стукнулась о столешницу. Страницы, потрёпанные по краям, побежали назад, показывая фамилии, даты явок, сведения о выданных освобождениях от работы. Я привыкла писать вразнобой, просто открывая блокнот на первом попавшемся чистом листе.

Наконец-то! Чистая страничка! Переплёт нежно хрустнул, открывая разворот...

В следующее мгновение я сама почувствовала себя ошпаренной. Когда кипяток попадает на кожу, первое время боль не ощущается. Лишь потом она накатывает неотвратимой волной, принося с собой багрянец воспаления и пузыри. Вот и я словно зависла в этом растянувшемся мгновении, что приходит перед болью. Воздух затвердел и стал стеклянным. Кожа онемела. Онемела голова. Онемели и мысли, превратившись в тяжёлые камни.

– Что? – только и смог выговорить задеревеневший язык.

– Всё хорошо, госпожа Альтеррони? – Шири оторвался от посетительницы и бросил в мусор охапку использованных

бинтов. – Вы побледнели.

Сделала вдох. Выдох. И снова – вдох. Ни к чему плодить лишние слухи. Ни к чему.

– Малокровие, – отозвалась я. – Прибрали бы его Разрушители.

– Вам нужно есть больше мяса! – Шири со знанием дела погрозил пальцем. – Покровители не зря велели людям употреблять животных в пищу!

Слова Шири утонули в гомоне мыслей. Онемение отступало, только его место занимала не боль, а тревога. И ужас. Пронзительный ужас.

С разворота блокнота на меня смотрели кривые буквы, выведенные детской рукой. Они убегали со строчек, падали плашмя, словно их вычерчивали с закрытыми глазами. Четыре слова. Ни одной запятой. Четыре слова, оставляющие мурашки на коже. И уйму вопросов, распирающих голову.

«Споси нас тетя гатрэ», – кричали буквы.

– Альтеррони? – госпожа Стоун указала сухой рукой на кресло для посетителей. Казалось, что её загнутые ногти вот-вот продерут дыру в пространстве. – Садитесь сейчас же.

Как же я люблю госпожу Стоун за безупречный такт и хорошие манеры! Но ещё больше я люблю себя обманывать. Особенно в подобных ситуациях, когда просто необходимо себе это внушить.

Я нехотя протопала по половицам к столу исполняющей

обязанности верховной жрицы и опустила в кресло. Бордовый бархат обивки показался колючим, как наждак. Начало разговора не предвещало ничего хорошего.

– И что вы скажете в своё оправдание? – Стоун зыркнула ледяными глазками из-под густых бровей. – Я жду.

– В оправдание? – слова застряли между зубами, как волокна отварного мяса. Квадрат окна неожиданно показался слишком ярким, а воздух – слишком терпким. – Я ни в чём не провинилась, госпожа Стоун!

– Не провинились, говорите?! Вы не обслужили два адреса в дежурный день, – госпожа Стоун покачала головой. Хорошо ещё, что пальцем не погрозила. – В чём причина?

Кислота подступила к горлу. Живот скрутило спазмом. Этого ведь не может быть! Просто не может! Но осуждающий взгляд Стоун говорил сам за себя. Непоправимое случилось. И теперь оставалось выяснить, каким образом.

– Я прошла все адреса! – даже в разговоре с начальством я старательно избегала унижительного слова «обслуживать». – На одном, правда, мне не открыли дверь.

– Проспект металлургов, дом двадцать пять, – Стоун наморщила щёки.

– Да, да! – закивала, тщетно надеясь, что начальница примет мою сторону. – Элитный квартал.

– Ждать нужно было дольше, – отрезала Стоун хладнокровно. – Хозяйка не смогла с постели встать, а единственная на тот момент помощница в уборную отлучилась. Поче-

му вы это не предусмотрели?

– Я и так прождала десять минут под проливным дождём! – я начала выходить из себя. – Без зонта, между прочим! Может, мне нужно было час протоптаться под их воротами, пока они все свои потребности удовлетворят, помимо базовых?!

– Берите с собой зонт, – госпожа Стоун пожала плечом. – Это же не проблема.

Картинка перед глазами запульсировала красным. Линии обрели невероятную чёткость. Я видела каждую пылинку, висящую в воздухе. Да знала бы она, что к чему! Я сжала зубы, чтобы не зарычать. Точка кипения пройдена. Сейчас повалит пар.

– Мой зонт, – я вскочила с ненавистного колючего кресла и подлетела к столу, с вызовом упершись в него руками, – улетел часом ранее, госпожа Стоун.

– Улетел?! – Стоун посмотрела на меня, как на умалишённую.

– Да, улетел, – язвительно выщедила в ответ. – За чужой забор. Знаете, ветер имеет свойство подхватывать лёгкие предметы и тащить за собой. В тот день лютовала непогода, а мне даже не выделили колесницу.

Стоун перекосило. Судя по выражению её лица, поздно было выпрашивать у неё понимание и сочувствие в любом виде.

– Не разговаривайте со мной таким тоном! – она стукнула

по столу кулаком.

– Ну, так услышьте же меня! – я пристально смотрела в её ледяные глаза. Кровь распирала виски. – Я обошла все адреса, как мне и полагалось. Если занемогший не открыл дверь – это уже его дело, а не моё. Я поступила строго по регламенту и себя виноватой не считаю.

– Допустим, – госпожа Стоун сбавила тон. – Допустим, они не открыли вам. Но за вами оставался ещё один адрес. И в гостинице вам не могли не открыть дверь. Как объясните?

– Гостиница?! – я едва не подпрыгнула. Мой голос стремительно терял уверенную интонацию, превращаясь в писк задавленной мыши. – Меня не вызывали из гостиницы!

Стоун равнодушно пожала плечом и подцепила ногтём журнал вызовов, неизвестным образом оказавшийся у неё на столе. Открыла его на последней исписанной странице и, развернув, протянула мне.

– Последний, – подсказала она.

Втягивая запах книжной пыли, я вглядывалась в небрежные записи. Знакомые фамилии, знакомые адреса. Лишь последняя строка не нашла отклика в памяти. Написанная неразборчивым почерком, кренящаяся вниз, как прогнившая доска. Злая строка.

– Линсен Морино, – прочитала я, едва разбирая перекрученные каракули. – Тридцать четыре годовых цикла. Гостиница «Чёрная гвоздика», встретят на проходной. Ранение бедра. Время регистрации вызова – шестнадцать часов два-

дцать минут.

– Угу, – Стоун самодовольно выставила грудь. Она походила на кошку, что играет с умирающей мышью. И роль мыши на этот раз, конечно, досталась мне.

– Вы издеваетесь сейчас?! – я толкнула журнал к начальнице. Страницы обиженно зашелестели, распушившись веером. – Я ушла на адреса в два! После одиннадцати часов вызовы не принимают!

– Вызов был неотложным, – возразила Стоун. – Поэтому его не могли не принять. А ваш рабочий день длится до семи вечера, так что, это ваша вина.

– Для неотложных вызовов существует жреческий актив!

– Да, – кивнула Стоун, – и жреческий актив приезжал к этому мужчине вечером. Потому что вы не соизволили прийти.

– Как?! – я почти кричала. – Как я могла узнать, что после моего приёма поступил вызов?!

– Заглянуть в амбулаторию между адресами, например, – Стоун развела руками.

– Я скакала из квартала в квартал, как мышь, убегаящая от кота! – я уже не сдерживала себя. – И едва успела на все вызовы! А вы предлагаете мне ещё и в амбулаторию возвращаться?!

– Ваш рабочий день до семи вечера, – Стоун улыбнулась: то ли с издёвкой, то ли рисуясь. – Но, к счастью, ваша безалаберность в субботу была покрыта визитом жреческого ак-

тива. А сегодня этот мужчина сам явился сюда, чтобы получить помощь. Из-за вас, госпожа Альтеррони, занемогший тащился через весь город, вместо того, чтобы соблюдать постельный режим, как предписано.

Ветка цветущего жасмина ударила в окно, вторя её словам. Лепестки посыпались по подоконнику, как снежинки из старых сказок. Даже кустарник насмеялся надо мной!

– Значит, не так уж он и пострадал, если нашёл силы дойти до амбулатории, – отметила я не без раздражения.

– Поверьте, пострадал он сильно, – покопавшись в столе, Стоун выудила из ящика сложенный вдвое документ и протянула мне. – Вот заключение жреческого актива, что нам передали.

Я притянула листочек к себе и пробежалась глазами по тексту. Если верить документу, мужчине действительно не повезло. Обширное повреждение кожи, рассечение мышц в нескольких местах, продолжающееся кровотечение, малокровие средней степени тяжести, вызванное кровопотерей. Но почему тогда он не в постели сейчас?! Стоило ли мучить себя и приходить, преодолевая боль, на приём ради того, чтобы наказать жрицу, которая не явилась на вызов?! Ясно одно: этот Морино – тип редкой наглости. Из разряда «мне все должны».

– Он не мог добраться до нас с такой раной, – вынесла я вердикт. – Даже на повозке.

– Добрался же. Сам, без сопровождения.

– И как? – я чувствовала себя обезумевшей. – Как, скажите на милость?!

– У него и спросите, – процедила Стоун сквозь зубы. – Не я же его тащила. Он сейчас в процедурном. Окажете ему помощь, как полагается.

– У меня приём сейчас! А гостиница территориально относится к участку жрицы Василенко!

– Но не Василенко допустила ошибку, – ответила Стоун холодно, – а вы. Вам и отвечать. А занемогших примете после. Подождут. Ваш рабочий день, повторяю, до семи вечера. Всё успеется.

Меня затошнило. От непредусмотренных превратностей судьбы. От вседозволенности Стоун. И от запаха оплавленного воска, что теперь казался обжигающим и едким. Захотелось дать себе разрядку, чтобы раз и навсегда избавиться от гнетущего груза эмоций. Вот только последствия пожинать не хотелось. Совсем.

– Знаете, что, госпожа Стоун?! – я всплеснула руками, давая выход накопившейся обиде. – Это уже слишком!

– Я тоже работала на участке, – выдавила Стоун. – И тоже получала наказания. Но никогда не повышала голос на начальство: просто делала всё, как мне говорили.

Я напыщенно выдохнула, но сдержалась. Стоун лгала. Зельварка по образованию, она никогда не работала земской жрицей. Она вообще не была жрицей: Покровители определили ей поток хаоса. Именно поэтому молодая чернокниж-

ница Стоун считалась лишь исполняющей обязанности верховной жрицы, а не непосредственной руководительницей амбулатории. Поговаривали, правда, что она прекрасно видела сглазы и проклятья на занемогших и хорошо распознавала спорные недуги. Кто, впрочем, знает? Тема способностей Эднэ Стоун и её карьерного роста в амбулатории была под запретом, и работники никогда не обсуждали её. Даже между собой.

– Хорошо, – выдавила я. – Я приму его вне очереди.

– И стоило ли негодовать?

– Я лишь отстаиваю свои права.

– В процедурной сейчас стажёрка, недавняя выпускница Академии, – в очередной раз огорошила меня Стоун. – Разъясните ей все нюансы. Пусть поможет вам.

– Ещё стажёрки мне не хватало! – выплюнула я, уже предчувствуя, как сорву накопившуюся злость на бедной девочке.

– Будьте терпеливы, – Стоун повела бровью. – Ей точно нельзя грубить. Её мать – в Совете.

– Почтенные Покровители! – я схватилась за голову.

Стоун проводила меня удовлетворённым взглядом кошки, что наконец-то проглотила свою полуживую жертву. Едва за мной захлопнулась дверь, я позволила себе с облегчением выдохнуть.

Я уже подумывала зайти в уборную и ополоснуть лицо, дабы унять ярость, но тут меня поймала молодая нефилимка

в косынке. Бесцеремонно подхватила под руку и вытащила из толпы. Не имела понятия, что ей нужно, но сил сопротивляться у меня не осталось. Поэтому я покорно протащила с нею в слепой отрезок коридора, к большому окну.

– Госпожа Альтеррони! – обеспокоенно произнесла нефилимка, едва мы остановились. – Я – прислужница с Проспекта металлургов. Госпожа Стоун уже извинилась перед вами за мою безответственность, но я хотела бы сказать это вам лично.

– Извинилась?! – я в недоумении посмотрела на нефилимку.

– Я виновата, что не открыла вам дверь, – два маленьких крыла взметнулись вверх. – Хозяйка очень негодовала и требовала, чтобы я лично объяснила это вам. Я рассказала всё госпоже Стоун и попросила прощения, а теперь признаю свою вину и перед вами. Не сердитесь на нас с хозяйкой, прошу!

Ярость снова забурлила под ложечкой. Вот оно, значит, как! Каждый играет, во что горазд?! Ну, Стоун!

– Всё нормально, – произнесла я вслух. Бедная прислужница не могла ничего изменить, и она точно не была виновата в том, что произошло в кабинете Стоун. – В следующий раз будьте внимательнее.

Серебристые глаза нефилимки загорелись.

– Спасибо! – радостно прокричала она, убегая в толпу. – Да помогут вам Покровители!

Кусая губы от негодования, я отвернулась к окну. Смахнула подступившую слезу: ядовитую и солёную. За кованым забором амбулатории носились дети. Бегали вокруг цветущих кустов, салили друг друга, заливались, падая в траву. Я завидовала их беззаботности, наивности и чистоте. До ноющих болей в сердце, до одышки.

Интересно, почему время так меняет людей?

Глава 7

Ложка мёда

К процедурной я приближалась с гудящей головой. Частый пульс распирал виски. Мысли перекрикивали одна другую. Они походили на штормовые волны: каждая новая накатывала сильнее, и мощнее била. И ранила всё глубже, размывая меня, как береговой песок.

Меня не хватало, чтобы вместить весь поток негатива, и теперь он лился через край, как молоко из переполненного кувшина. Подлянка госпожи Стоун. Несвоевременный вызов в гостиницу. Йозеф, жаждущий изгнать из меня Разрушителей. Толпа озлобленных пациентов под дверью кабинета. Недоумок с опасной раной в процедурной, которому вздумалось притащиться на приём...

Но самой важной казалась мысль из четырёх непонятных слов. «Споси нас тётя гатрэ».

Догадаться бы ещё, что это означает. «Споси» с одинаковой вероятностью может быть как словом «спаси», так и «спроси». Если написать два первых слова слитно, между ними встрянет «осина». Третье и четвёртое, если повторить ту же манипуляцию, соединит «тяга». Но самым подозрительным казалось четвёртое. Гатрэ. Даже не слово – набор букв, выбивающийся из строчки острым камнем. И куда от

него плясать: к гетрам или к гадам? Даже когда мне удалось переключиться на более важный аспект – раненого в процедурной – подсознание выкрикивало это сочетание букв, громко и чётко. Как призыв. Гатрэ.

Пытаясь навести порядок в голове, просочилась сквозь живую баррикаду, галдящую разноголосьем, и нырнула в отдалённую часть коридора. Отсчитала пять дверей по левой стороне. Вот она, нужная! Приоткрыта и ходит туда-сюда на сквозняке, выпуская на пол дрожащую линию света.

Сразу сделалось дурно. Сейчас придётся, как девочке, высасывать оправдания из пальца. И лебезить перед незнакомцем, словно я его кухарка. Самое обидное, что я не виновата! Но кто здесь спросит, чего я хочу, а чего – нет?! В амбулатории имеет вес лишь один аргумент – надо!

Мне представились злобные глаза, мечущие стрелы взглядов, сжатые кулаки, слова полушёпотом сквозь зубы... Прежде, чем кипятиться и показывать гонор, нужно задуматься, хочу ли я этого. Пожалуй, нет.

– Почтенные Покровители, защитите меня, – прошептала я, переступая порог.

Яркий свет резанул по глазам, превратив всё вокруг в сплошное жёлтое пятно. Потом оно съёжилось и развалилось на тёмные синяки со смешными хвостиками. Кто-то снял жалюзи со всех окон, и теперь комнату затапливало солнце.

К счастью, раненого недоумка я не увидела: должно быть, разместился в кресле за ширмой. Процедурная околдовыва-

ла пустотой: лишь стажёрка раскладывала на столе инструменты. Девушка была пухлой, как сдобная булка, и лощёной, как фарфоровая куколка. Её накидка открывала край ярко-голубой юбки, расшитой гранёной бирюзой.

Камни на повседневных платьях, да ещё в таком количестве – признак хорошего материального положения. Проглотила горькую зависть. В качестве защитного камня Покровители даровали мне яшму, но она украшала лишь одно моё платье. То, в котором я выходила замуж.

– И удобно вам так работать? – выдавила вместо приветствия, чтобы хоть что-то сказать.

Стажёрка обернулась, рассыпав по плечам медовые локоны. Точно, кукла! Небось, глядя на меня, думает, что за расстрёпа такая пожаловала.

– Моё почтение, госпожа, – пробормотала девушка, краснея. – Госпожа...

– Сирилла Альтеррони, – представилась я.

– Зейдана Бессамори.

Я старалась не выдать волнения, но руки затряслись. Нет, не из-за того, что Зейдана происходила из золотого выводка пророчицы Совета. Стоун уже всё сказала, а предупреждён – значит вооружён. Больше меня волновало другое. Вчера у них на обед подавали говядину. Может, напроситься к ней в гости: обследовать погреб, а заодно и жаркого перехватить? От одной мысли об этом захотелось свалиться на пол и умереть от истерического хохота.

– Врождённый дар есть? – задала я традиционный вопрос.

– Мой Поток может очищать раны от миазмов, – Зейдана пожалала плечом. – И незначительно ускоряет заживление. Поэтому мне и сказали, что могу пригодиться тут. У мужчины сложная рана.

– Где занемогший? – поинтересовалась я.

Зейдана молча повела головой в сторону ширмы.

– Ну, что? – я попыталась улыбнуться. – У нас есть заключение жреческого актива. Пойдёмте посмотреть, что там. Если всё так, как они описали, нам долго придётся возиться.

Стараясь собрать волю в кулак, я проследовала за ширму. Зейдана юркнула следом, забрав с собой ножницы и лоток для отходов.

Я до последнего страшилась поднять голову и взглянуть на раненого. Чувствовала себя без вины виноватой. Ожидала, что убьёт меня глазами. Но вместо острого изобличающего взгляда я поймала лишь растерянный прищур светло-жёлтых глаз. И не менее растерянную улыбку.

– Моё почтение, госпожа Альтеррони, – соскочило с губ незнакомца вместо долгих претензий.

– Моё почтение, – выдохнула то ли с раздражением, то ли с облегчением. На всякий случай, заглянула в карту и продолжила, – господин Морино. Так значит...

– Да-да. Я вызывал вас в субботу, но так и не дождался, – перебил Морино. – Теперь я могу посмотреть вам в глаза.

Слова прилетели в самое сердце, как осинový кол. Я ед-

ва не проглотила язык. Всё-таки, надеялась, что участь быть оплётанной чудесным образом меня минует. Глупо было полагаться на удачу, очень глупо! Надежды имеют свойство умирать, рушиться, рассыпаться пеплом. А мои – особенно хрупки.

Ледяной ветер ворвался в грудь. Сжала кулаки, оставившая ярость. Слаб тот, кто не умеет держать эмоции под контролем. Не разрешу себя сломить! Скорее, Девятый Холм уйдёт под землю, чем я позволю ему поживиться своей горечью!

– Конечно, не дождалась, – произнесла я, отчётливо выговаривая каждое слово. – Потому что отправлять посыльного нужно до одиннадцати утра.

– В одиннадцать я ещё был цел и невредим, – Морино улыбнулся на один бок. Проглотила его ухмылку с долей восхищения: бодрячком держится для тяжелораненого и малокровного. Ещё и сил хватает претензии высказывать. – Всё случилось в четыре дня.

– На такие случаи существует жреческий актив, – ответила я резко.

– Жреческий актив тоже приезжал, – Морино сложил руки на груди и укоризненно покачал головой. – А вот к вам мне пришлось идти самому. Потому что жреческий актив не имеет компетенции чистить раны от миазмов и спасать от столбовой болезни.

Вязкое молчание заполнило комнату. Воздух между на-

ми накалился так, что, казалось, вот-вот затрещит, порождая разряды молний. Взгляд Морино не сжигал и не ранил, но настойчиво и медленно уничтожал. Сравнивал с землёй, как коса – траву. До чего неприятный тип!

Морино был прав. И я тоже не ошибалась. В этом мире слишком много углов, под которыми можно смотреть на истину. Только Морино привёл достойные аргументы. А мои пришлось оставить при себе: ведь он даже не стал бы слушать! А потому возмущение всё ещё кипело внутри, как раскалённое масло. И прорывалось наружу с каждым новым словом, с каждым движением.

– Показывайте, – выплюнула я.

Зейдана за моей спиной тихонько охнула. Неужели я произнесла это так резко?

Морино молча отодвинул простыню, скрывающую его ноги. Правое бедро закрывала толстая повязка, едва держащаяся на медовом пластыре. Судя по тёмным пятнам на бинте, кровь шла долго и обильно. Странно: Морино должен быть бледным, как холст, но его щёки всё ещё отливают розовым...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.